1032 [50]

Библіотека нашихъ дѣтей

В. Гауффъ

8 93
6 277

Избранныя сказки

Изданіе
О. Н. Поповой.

V 2032
801-13
210

„БИБЛІОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“,

ОСНОВАННАЯ Е. В. ЛАВРОВОЙ и Н. А. ПОПОВЫМЪ.

V 279
2032
[50]
8 93
277

В. Гауффъ.

Избранныя сказки.

НЕ КОПИРОВАТЬ

Переводъ съ нѣмецкаго

М. и Е. СОЛОМИНЫХЪ.

Карликъ Носъ.	Судьба Саида.
Маленькій Мукъ.	Калифъ Аистъ.

Съ 12 рисунками.

2-е ИЗДАНІЕ.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П, въ первомъ изданіи, рекомендовано для ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ
XIII-35001

ИЗДАНІЕ Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ.
С.-Петербургъ.
1914.

2007338964

фффффффффффффффффффффффффффффффффф

Карликъ Носъ.

Въ одномъ большомъ городѣ, въ Германіи, жилъ башмачникъ съ женой. Они прожили много лѣтъ бѣдно, но честно. Хозяинъ каждый день сидѣлъ на углу улицы и чинилъ старые башмаки и туфли. Иногда шилъ онъ и новую обувь, когда кто-нибудь рѣшался ему ее заказать. Въ такихъ случаяхъ сперва приходилось ему идти покупать кожу, такъ какъ, по бѣдности своей, матеріала онъ не держалъ. Жена-же его торговала фруктами и овощами. У воротъ города у нея былъ маленькій садикъ, гдѣ она ихъ выращивала. Покупателей у нея всегда было много, потому что сама она одѣвалась всегда чисто и опрятно, и товаръ свой умѣла выставить красиво и заманчиво.

У башмачника и его жены былъ хорошенькій мальчикъ—стройный, красивый и довольно большой для своихъ двѣнадцати лѣтъ. Днемъ онъ обыкновенно бывалъ съ матерью на рынкѣ, и когда кто-нибудь закупалъ у нихъ много товару, то онъ относилъ покупку на домъ покупателя. Въ такихъ случаяхъ онъ рѣдко возвращался къ матери безъ подарка. Хозяйки

очень любили этого мальчика, и всегда дарили ему за услугу цвѣты, деньги, сладкіе пирожки.

Однажды жена башмачника сидѣла на рынкѣ. Нѣсколько стоявшихъ у ея ногъ корзинъ были наполнены капустой и другими овощами, въ другихъ лежала разная мелкая зелень и сѣмена; а въ одной корзинкѣ красовались раннія вишни, яблоки и абрикосы. Рядомъ съ ней сидѣлъ маленькій Яша,—такъ звали мальчика,—и звонкимъ голосомъ выкрикивалъ:

— Вотъ, господа, посмотрите, какая прекрасная капуста, какая душистая зелень! Сударыня, раннія вишни, раннія яблоки, абрикосы. Мама дешево продаетъ!

Въ это время проходила по базару какая-то старушка. Одежда на ней была оборвана и обтрепана, маленькое лицо съ острымъ подбородкомъ совершенно сморщилось, глаза были красные, а острый, крючковатый носъ чуть не касался подбородка. Она опиралась на длинную палку и, всѣтаки, трудно было представить себѣ, какимъ образомъ она подвигается впередъ: она хромала и шаталась, точно подъ ногами у нея былъ горохъ и, казалось, каждую минуту готова была упасть и удариться своимъ длиннымъ носомъ о мостовую.

Жена башмачника обратила вниманіе на эту женщину: шестнадцать лѣтъ сидя по цѣлымъ днямъ на базарѣ, она ни разу не видала такой странной фигуры. Но когда старушка заковыляла къ ней и остановилась у ея корзинокъ, ее охватилъ невольный страхъ.

— Не вы-ли торговка зеленью, Анна?—спросила старуха непріятнымъ, крикливымъ голосомъ, и голова у ней тряслась и моталась во всѣ стороны.

— Да, я,—отвѣтила жена башмачника,—что вамъ угодно?

— Посмотримъ, посмотримъ! Дай-ка сюда овощи, есть-ли у тебя то, что мнѣ нужно?—отвѣтила старуха, нагнувшись къ корзинкѣ съ зеленью и запустивъ въ нее свои темнокоричневыя, безобразныя руки. Она начала разрывать своими длинными, кривыми пальцами красиво и тщательно разложенную зелень; хватала то одно, то другое, подносила къ своему длинному носу и обнюхивала. У жены башмачника сердце обливалось кровью при видѣ того, какъ обращается старуха съ ея чудесной зеленью. Однако, она не смѣла ничего ей сказать: товаръ осматривать имѣетъ право всякій покупатель. Да кромѣ того она испытывала какой-то непонятный страхъ передъ этой женщиной.

Пересмотрѣвъ всю корзинку, старуха пробормотала:—Гадкій товаръ, скверная зелень, совсѣмъ нѣтъ того, чего мнѣ нужно!.. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ было гораздо лучше! Гадкій товаръ, скверный товаръ!

Эти слова совершенно возмутили маленькаго Яшу.

— Слушай, ты, безсовѣстная старуха, — закричалъ онъ смѣло,—что-же это ты запускаешь свои корявые, грязные пальцы въ прекрасную зелень, мнешь ее, подносишь къ своему длинному носу... Никто послѣ этого не станетъ больше покупать у

насъ, а ты еще называешь нашъ товаръ гадкимъ! Да у насъ даже поваръ самого герцога всегда покупаетъ.

Старуха покосилась на смѣлаго мальчика, отвратительно разсмѣялась и сказала хриплымъ голосомъ:

— Мальчикъ, мальчикъ! Тебѣ, стало быть, понравился мой носъ, мой красивый, длинный носъ? Такъ и у тебя такой-же будетъ, во все лицо, до самаго подбородка.

Проговоривъ это, она принялась перебирать другую корзинку съ капустой. Она брала въ руки чудные бѣлые кочаны капусты, сжимала ихъ такъ, что тѣ трещали, бросала какъ попало обратно въ корзинку и, наконецъ, опять проговорила: — Скверный товаръ, гадкая капуста!

— Не качай такъ сердито головой,—съ нѣкоторой боязнью замѣтилъ мальчикъ.—У тебя шея тоненькая, какъ капустная кочерыжка, еще пожалуй подломится, и голова упадетъ въ корзинку. Кто-же тогда станетъ покупать?

— Тебѣ не нравятся тонкія шеи?—проворчала усмѣхаясь старуха.—Такъ у тебя никакой не будетъ, голова будетъ прикрѣплена прямо къ плечамъ, чтобы не отскочила отъ маленькаго туловища.

— Не болтайте вы пустяковъ съ ребенкомъ,— сказала, наконецъ, жена башмачника, выведенная изъ терпѣнія безконечнымъ перерываньемъ и обнюхиваньемъ товара.—Если хотите что-нибудь купить, такъ покупайте скорѣе, а то вы отбиваете у меня другихъ покупателей.

— Хорошо, будь по твоему,—сказала старуха, бросивъ на нее свирѣпый взглядъ,—я куплю у тебя вотъ эти шесть кочней капусты; но только, видишь-ли, у меня палка въ рукахъ, и я не могу ихъ взять сама; позволь своему сынку отнести ко мнѣ на домъ товаръ, я заплачу ему за это.

Мальчикъ не хотѣлъ идти со старухой и расплакался, онъ боялся этой отвратительной женщины. Но мать не хотѣла взвалить такую тяжесть на дряхлую старуху и строго приказала ему идти. Со слезами на глазахъ онъ исполнилъ ея приказаніе: завязалъ капусту въ платокъ и пошелъ вслѣдъ за старухой.

Она шла не очень скоро. Черезъ три четверти часа они очутились въ совершенно отдаленной части города и остановились у небольшого ветхаго домика. Тутъ она вытащила изъ кармана старый, заржавленный крюкъ, ловко всунула его въ маленькую дырочку въ двери, и дверь вдругъ со скрипомъ распахнулась. Но каково-же было изумленіе Яши, когда онъ вошелъ! Внутри домъ былъ чудно разукрашенъ: потолокъ и стѣны были мраморные, мебель—изъ чернаго дерева, оправлена золотомъ и шлифованными камнями; полъ-же былъ стеклянный и такой гладкій, что мальчикъ скользилъ, идя по нему, и даже нѣсколько разъ упалъ. Старуха вытащила изъ кармана серебряную дудочку и свистнула въ нее; странный необыкновенный звукъ громко раздался по всему дому. Въ ту-же минуту по лѣстницѣ спустилось нѣсколько морскихъ свинокъ. Яша былъ больше всего

... Мальчикъ завязалъ кочаны капусты въ узелъ и пошелъ вслѣдъ за старухой...

пораженъ тѣмъ, что онѣ ходили на двухъ ногахъ, какъ люди; и одежда у нихъ была, какъ у людей: на головахъ самыя модныя шляпы, только на ножкахъ вмѣсто башмаковъ, была орѣховая скорлупа.

— Гдѣ мои туфли, негодные лѣнтяи?—закричала старуха и начала бить ихъ палкой, такъ что онѣ со стономъ подскакивали вверхъ.—До какихъ-же поръ мнѣ тутъ стоять?

Свинки быстро запрыгали вверхъ по лѣстницѣ и сейчасъ-же вернулись съ парой скорлупокъ кокосоваго орѣха, подбитыхъ кожей, и ловко надѣли ихъ на ноги старухи.

Тутъ вся ея хромота и слабость исчезла. Она отбросила палку и съ необыкновенной быстротой покатилась по стеклянному полу, таща съ собой за руку маленькаго Яшу. Наконецъ, они остановились въ комнатѣ, гдѣ по столамъ стояло много разнообразной посуды. Комната эта походила на кухню, хотя столъ краснаго дерева и диванъ, покрытый дорогими коврами, напоминали скорѣе парадныя комнаты.

— Сядь,—сказала старуха, толкнувъ Яшу въ уголъ дивана и приставивъ столъ такъ, что мальчикъ не могъ оттуда выйти,—ты вѣдь, очень усталъ: человѣческія головы не очень-то легки, да, не очень легки.

— Сударыня, вы что-то странное говорите,—воскликнулъ мальчикъ,—правда, я усталъ, но я несъ не головы, а кочаны капусты, которые вы купили у моей матери.

— Нѣтъ, ты ошибаешься,—засмѣялась старуха. Она открыла крышку корзинки и вытащила оттуда человѣческую голову. Мальчикъ былъ внѣ себя отъ ужаса. Онъ не могъ представить себѣ, какъ это все случилось, но мысли его перенеслись къ матери:— Если кто-нибудь узнаетъ объ этихъ человѣческихъ головахъ,—думалъ онъ,—навѣрное мою мать обвинятъ въ убійствѣ.

— Теперь нужно тебѣ чѣмъ-нибудь отплатить за твое вѣжливое обращеніе,—пробормотала старуха,—погоди минуточку, я приготовлю тебѣ супъ... долго, всю жизнь потомъ ты будешь вспоминать о немъ.

Сказавъ это, она снова свистнула. Тутъ вошло множество морскихъ свинокъ въ человѣческихъ одеждахъ; у нихъ подвязаны были кухонные передники, а за поясомъ были заткнуты чумички и большіе ножи. За ними вприпрыжку вбѣжала толпа бѣлокъ. Онѣ были въ широкихъ турецкихъ шароварахъ, ходили на двухъ ногахъ, и на головахъ носили зеленыя бархатныя шапочки. Повидимому, это были поварята, такъ какъ онѣ съ необыкновеннымъ проворствомъ вскакивали на стулья, доставали кастрюли и блюда, яйца и масло, зелень и муку и относили все это къ печкѣ. Старуха сновала взадъ и впередъ въ своихъ туфляхъ изъ кокосовой скорлупы, и мальчикъ видѣлъ, что она усердно трудилась надъ приготовленіемъ какого-то вкуснаго блюда. Вотъ затрещали сильнѣе дрова, зашипѣли и задымились сковороды, въ комнатѣ распространился пріятный запахъ. А старуха все бѣгала по кухнѣ, бѣлки и морскія свинки за ней. Пробѣгая мимо печки, старуха всякій разъ заглядывала въ стоявшій на плитѣ горшокъ. Наконецъ, въ немъ что-то закипѣло, заклокотало, повалилъ паръ, и пѣна полилась прямо на огонь. Тогда она сняла горшокъ съ плиты, вылила то, что въ немъ варилось въ серебряную чашку и поставила ее передъ маленькимъ Яшей.

— Вотъ, мальчикъ, вотъ,—приговаривала она,—покушай супцу, и у тебя будетъ все, что во мнѣ тебѣ такъ понравилось... Изъ тебя, однако, долженъ выйти искусный поваръ, но зелень... Нѣтъ, зелени этой тебѣ никогда не найти, ея вѣдь не было у твоей матери въ корзинкѣ!

Мальчикъ совершенно не понималъ, что она говоритъ, и поэтому усердно ѣлъ супъ, который показался ему въ высшей степени вкуснымъ. Мать готовила ему много очень вкусныхъ блюдъ, но такого хорошаго супа еще никогда онъ не ѣдалъ. Нѣжная зелень и коренья придали супу чудный ароматъ, онъ былъ и сладкій и кисловатый въ одно и то-же время, и очень крѣпкій. Когда мальчикъ доѣлъ послѣднюю каплю чудеснаго кушанья, морскія свинки закурили аравійскій ладонъ. Голубыми волнами разнесся по комнатѣ дымъ; волны дѣлались все гуще и гуще и опускались внизъ. Запахъ этого куренія подѣйствовалъ на мальчика одуряющимъ образомъ. Ему хотѣлось крикнуть, что ему пора вернуться къ своей матери. Но онъ никакъ не могъ собраться съ силами и понемногу сталъ погружаться въ забытье;

въ концѣ концовъ онъ крѣпко заснулъ на диванѣ въ комнатѣ старухи.

Странные сны ему приснились. Будто бы его старуха раздѣла и завернула въ бѣличью шкуру. И сталъ онъ жить съ остальными бѣлочками и морскими свинками, и самъ скакалъ и лазалъ, какъ бѣлочка. Всѣ звѣрки были съ нимъ очень милы и любезны. Вмѣстѣ съ ними онъ прислуживалъ старухѣ. Сначала онъ долженъ былъ смазывать разными маслами кокосовыя скорлупки, которыя старуха носила вмѣсто туфлей, и чистить ихъ такъ, чтобы онѣ блестѣли. Подобную работу часто приходилось ему исполнять еще въ родительскомъ домѣ, такъ что ему не трудно было показать свою ловкость.

Приблизительно черезъ годъ,—снилось ему дальше,—стали его употреблять на болѣе трудную работу. Съ нѣсколькими другими бѣлками онъ долженъ былъ ловить въ воздухѣ мельчайшія пылинки и, набравъ ихъ достаточное количество, просѣивать сквозь тончайшее сито.

Эту пыль старушка считала самымъ изысканнымъ кушаньемъ. Зубовъ у нея уже не было, жевать и грызть она не могла, поэтому и приказывала печь себѣ хлѣбы изъ тончайшей пыли.

Потомъ еще черезъ годъ его перевели въ число слугъ, которые добывали старушкѣ воду для питья. Не подумайте, что имъ нужно было для этого рыть какой-нибудь бассейнъ, или ставить на дворѣ бочку, когда шелъ дождь. Тутъ дѣло было много труднѣе.

Бѣлочки, а съ ними и Яша, должны были орѣховой скорлупой снимать съ розъ росинки, которыя и служили старухѣ питьемъ. А такъ какъ она очень много пила, то работа водоносовъ была очень трудная.

Еще черезъ годъ онъ былъ переведенъ на службу въ комнаты. Обязанностью его было мести полъ. Каждая пылинка на стеклянномъ полу была замѣтна, такъ что и эта работа мальчика была не легкая. Бѣлочки должны были сперва подмести полъ щетками, потомъ, подвязавъ къ ногамъ старые платки, кататься на нихъ по стеклу. Это требовало большого искусства. На четвертый годъ Яша былъ переведенъ, наконецъ, на кухню. Это была почетная должность, на нее можно было попасть только послѣ долгихъ испытаній. Яша началъ съ должности кухоннаго мальчика и дошелъ до перваго пирожника. Онъ достигъ такого необыкновеннаго искусства и совершенства во всемъ поварскомъ дѣлѣ, что часто самъ себѣ удивлялся. Самыя трудныя вещи, пирожныя съ сотнями эссенцій, супы изъ зелени, собранной со всего свѣта,—онъ все изучилъ, все уразумѣлъ быстро и основательно.

Такъ прослужилъ онъ у старухи приблизительно лѣтъ семь. Однажды она сняла свои кокосовыя туфли, взяла корзинку и палку въ руки и, собираясь уходить, приказала ему ощипать курицу, начинить ее зеленью и, къ ея возвращенію, зажарить и подрумянить. Онъ продѣлалъ все это по всѣмъ правиламъ искусства: оторвалъ курицѣ голову, об-

варилъ ее кипяткомъ, тщательно ощипалъ перья, поскоблилъ кожу, чтобы она была глаже и нѣжнѣе, и вычистилъ внутренности. Потомъ онъ занялся зеленью, которою нужно было начинить курицу. Но въ кладовой, гдѣ старуха держала зелень, онъ замѣтилъ шкапъ, дверцы котораго были полураскрыты. Раньше онъ никогда его не замѣчалъ. Съ любопытствомъ подошелъ онъ поближе, посмотрѣлъ, что тамъ находится, и увидѣлъ множество корзинокъ, отъ которыхъ распространялся сильный, пріятный запахъ. Онъ открылъ одну изъ этихъ корзинокъ и нашелъ тамъ необыкновеннаго вида и окраски траву: стебли и листья ея были синезеленые и оканчивались огненно-красными съ желтыми краями цвѣточками. Мальчикъ внимательно осмотрѣлъ ихъ и понюхалъ; они издавали тотъ острый запахъ, какимъ благоухалъ супъ, сваренный когда-то для него старухой. Но запахъ этотъ былъ такъ силенъ, что мальчикъ началъ чихать, чихалъ всѣ сильнѣе и сильнѣе... и, наконецъ, проснулся.

Онъ лежалъ на диванѣ въ комнатѣ старухи и съ удивленіемъ осматривался кругомъ.—Нѣтъ, какіе, однако, могутъ сниться сны,—подумалъ онъ.—Еще я, пожалуй, готовъ поклясться, что пробылъ нѣсколько лѣтъ бѣлкой, товарищемъ морскихъ свинокъ и сдѣлался искуснымъ поваромъ. О, какъ посмѣется мама, когда я разскажу ей обо всемъ этомъ. Однако, не забранила бы она меня, что я проспалъ въ чужомъ домѣ, вмѣсто того, чтобы помогать ей на базарѣ?

При этой мысли онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать.

Члены его точно окаменѣли отъ сна, особенно затылокъ. Онъ совсѣмъ не могъ пошевелить головой. Ему даже самому стало смѣшно: повертываясь въ разныя стороны, онъ ежеминутно стукался своимъ носомъ то о шкапъ, то о стѣнку, то о притолку, пока хорошенько не осмотрѣлся. Съ визгомъ окружили его бѣлочки и морскія свинки, какъ будто они хотѣли его проводить. Остановившись у порога, онъ поманилъ ихъ за собой, но онѣ на своихъ орѣховыхъ скорлупкахъ быстро поскакали въ домъ. Онъ только издали слышалъ ихъ визгъ.

Старуха завела его въ довольно отдаленную часть города, такъ что онъ едва выбрался изъ узкаго переулка. Дальше онъ попалъ въ большую толпу. Люди, повидимому, смотрѣли какого-то карлика. Повсюду слышались восклицанія: „Эй, глядите, какой безобразный карликъ! Откуда появился здѣсь карликъ? О, какой у него длинный носъ!.. А голова-то какъ приросла къ плечамъ!.. Какія безобразныя черныя руки!“... Въ другое время онъ и самъ бы остановился, потому что всегда любилъ смотрѣть великановъ, карликовъ, или какія-нибудь необыкновенныя заморскія чудовища, но теперь онъ торопился къ матери.

Выбравшись на базаръ онъ совсѣмъ растерялся. Мать сидѣла еще тамъ, и фруктовъ въ корзинкѣ у нея было еще довольно много, стало быть, онъ не долго спалъ. Но еще издали она показалась ему очень печальной: она не зазывала покупателей, а сидѣла, опустивъ на руки голову. Приблизившись,

онъ увидалъ, что она была блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ рѣшился: подкравшись сзади, тихонько положилъ онъ свою руку на ея плечо и сказалъ:

— Что съ тобой, мама? Ты на меня сердишься?

Женщина обернулась къ нему и съ крикомъ ужаса откинулась назадъ.

— Что тебѣ нужно отъ меня, противный карликъ?—воскликнула она.—Прочь, прочь! Я терпѣть не могу подобныхъ шутокъ!

— Но что съ тобой, мама?—испугался Яша.—Ты, вѣрно, нездорова! Почему ты прогоняешь отъ себя своего сына?

— Я сказала уже тебѣ, иди своей дорогой,—гнѣвно отвѣтила Анна.—Отъ меня ты не получишь денегъ за свое шутовство, отвратительный уродъ!

— Право, она помѣшалась!—съ огорченіемъ подумалъ мальчикъ.—Что-же мнѣ теперь сдѣлать? какъ отвести ее домой?... Милая маменька, — пробовалъ онъ успокоить мать,—будь всетаки, благоразумна, взгляни на меня получше, вѣдь я твой сынъ, твой Яша.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ наглая шутка,—обратилась Анна къ своимъ сосѣдкамъ,—посмотрите на этого безобразнаго карлика: стоитъ тутъ, пугаетъ всѣхъ моихъ покупателей, да еще осмѣливается смѣяться надъ моимъ несчастьемъ. Твердитъ мнѣ: я твой сынъ, твой Яша; безсовѣстный!

Тутъ вступились сосѣдки и начали бранить его самыми отборными словами (а торговки, вы знаете,

мастерицы на это). Онѣ укоряли его за то, что онъ смѣялся надъ несчастьемъ бѣдной Анны, у которой семь лѣтъ тому назадъ украли хорошенькаго мальчика. Наконецъ, стали даже грозить ему, что разорвутъ его на клочки, если онъ не уйдетъ отсюда.

Бѣдный Яша ничего не понималъ,—Вѣдь сегодня утромъ еще,—думалъ онъ,—я, какъ всегда, пришелъ съ матерью на базаръ, помогъ ей раскладывать фрукты, потомъ пошелъ въ домъ къ старухѣ, поѣлъ тамъ супу, заснулъ, вернулся на площадь, а мать и сосѣдки однако говорятъ о какихъ-то семи годахъ! И называютъ меня отвратительнымъ карликомъ! Что-же такое произошло?

Убѣдившись, что мать ничего больше не хочетъ слышать о немъ, онъ со слезами на глазахъ пошелъ къ лавочкѣ, гдѣ отецъ его обыкновенно чинилъ башмаки.—Посмотрю, всетаки,—подумалъ онъ, не признаетъ ли онъ меня; остановлюсь у двери и заговорю съ нимъ.

Подойдя къ лавкѣ башмачника, онъ остановился у двери и заглянулъ въ нее. Мастеръ такъ былъ поглощенъ своей работой, что совершенно не замѣтилъ его. Когда-же нечаянно онъ бросилъ взглядъ на дверь,—башмакъ, дратва и шило выпали у него изъ рукъ на полъ и онъ съ ужасомъ воскликнулъ: Господи, что это такое, что это такое!

— Добрый вечеръ, хозяинъ!—сказалъ мальчикъ, входя въ лавку.—Какъ поживаете?

— Плохо, плохо!—отвѣтилъ отецъ къ большому удивленію Якова.—Уже не подъ силу становится

мнѣ работа. Одинокъ я, и старъ становлюсь, а подмастерье взять дорого.

— А развѣ нѣтъ у васъ сынишки, вы бы его пріучили къ работѣ,—продолжалъ разспрашивать мальчикъ.

— Былъ одинъ, его звали Яковомъ, теперь бы онъ былъ уже высокій, ловкій, двадцатилѣтній юноша и могъ бы служить мнѣ надежной опорой... Въ двѣнадцать лѣтъ онъ былъ ловокъ и проворенъ, и умѣлъ уже работать! А какой онъ былъ красивый! Онъ бы привлекъ ко мнѣ заказчиковъ, такъ что я не сталъ бы уже больше чинить, а шилъ бы новую обувь.

— А гдѣ-же вашъ сынъ?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Яковъ отца.

— Богъ знаетъ, — отвѣтилъ онъ, — семь лѣтъ тому назадъ,—да, вотъ какъ давно уже! его украли у насъ на базарѣ.

— Семь лѣтъ тому назадъ!—съ ужасомъ закричалъ Яковъ.

— Да, семь лѣтъ тому назадъ. Какъ сейчасъ еще помню: рыдая, пришла моя жена домой, цѣлый день ребенокъ не возвращался, она разспрашивала, искала его повсюду и не нашла. Я всегда думалъ и говорилъ, что это должно было случиться. Яковъ былъ славный мальчикъ, жена гордилась имъ, и очень любила, когда его хвалили люди, и часто посылала его съ зеленью и разными овощами въ знатные дома. Правда, ему всегда тамъ дарили что-нибудь! Но я говорилъ ей: смотри! Городъ великъ,

много въ немъ всякаго плохого народу живетъ, береги Якова! Какъ говорилъ, такъ и вышло. Пришла разъ на рынокъ безобразная старуха, долго выбирала фрукты и зелень и накупила, наконецъ, такъ много, что сама не могла донести. Жена моя, изъ состраданія къ ней, дала ей своего мальчика и съ того часа больше и не видала.

— И вы говорите, съ тѣхъ поръ уже семь лѣтъ прошло?

— Весной будетъ семь лѣтъ. Мы ходили изъ дому въ домъ, спрашивали о немъ. Многіе знали и любили нашего мальчика, и тоже искали его съ нами; все напрасно. А старуху, которая купила зелень, никто не зналъ. Одна только очень старая, девяностолѣтняя старушка говорила, что это могла быть злая Фея Травъ, которая разъ въ 50 лѣтъ приходитъ въ городъ и закупаетъ зелень.

Такъ говорилъ отецъ Якова, сильно постукивая башмаками и широко вытягивая руками дратву. Мальчику теперь все яснѣй и яснѣй становилось все то, что съ нимъ произошло. Это совсѣмъ не былъ сонъ, а онъ, дѣйствительно, семь лѣтъ прослужилъ въ образѣ бѣлки у злой волшебницы. Досада и злоба такъ сдавили его сердце, что оно готово было разорваться. Старуха украла у него семь лѣтъ его молодости, и что-же получилъ онъ въ награду за это? Выучился чистить сапоги, убирать комнату со стекляннымъ поломъ, научился у морскихъ свинокъ поварскому искусству... и только!

Не мало времени простоялъ онъ, раздумывая надъ своею участью. Наконецъ, отецъ спросилъ его: Вамъ, молодой человѣкъ, быть можетъ, требуется моя работа? Желаете пару новенькихъ туфлей, или (тутъ онъ улыбнулся), быть можетъ, футлярчикъ для вашего носа!

— Отчего вы говорите про мой носъ? — спросилъ Яковъ, — почему нуженъ мнѣ футляръ для него?

— Ну, — возразилъ башмачникъ, — у всякаго свой вкусъ, но я вамъ скажу, будь у меня такой ужасный носъ, я бы заказалъ на него футлярчикъ изъ розоваго сафьяна. Вотъ у меня какъ разъ подъ руками есть прекрасный кусокъ; конечно, на это потребуется по меньшей мѣрѣ аршинъ. Но какъ-бы хорошо такой футляръ предохранялъ вашъ носъ. Я увѣренъ, что вы задѣваете о каждую притолку, о каждый предметъ, отъ котораго вы хотѣли бы посторониться.

... Отчего вы говорите про мой носъ?— спросилъ Яковъ...

Мальчикъ совсѣмъ онѣмѣлъ отъ ужаса и схватился за свой носъ: толстый, громадный онъ вытянулся въ добрыхъ двѣ пяди въ длину. Теперь Яша понялъ, почему мать не узнала его, почему всѣ люди называли его безобразнымъ карликомъ!

— Хозяинъ, — сказалъ онъ сапожнику, — нѣтъ-ли у васъ зеркала? я хочу поглядѣть на себя.

— Молодой человѣкъ, — возразилъ отецъ, — откровенно говоря, при такой наружности нечего каждую минуту смотрѣться въ зеркало. Это совершенно лишнее. Вамъ слѣдуетъ отвыкнуть отъ этой привычки, она смѣшна вообще, а у васъ въ особенности.

— Ахъ, дайте-же мнѣ хоть разъ взглянуть въ зеркало, — крикнулъ мальчикъ. — Право, это не изъ тщеславія!

— Оставьте меня въ покоѣ, у меня нѣтъ зеркала. У жены есть зеркальце, но я не знаю, куда она его спрятала. Если ужъ вамъ непремѣнно хочется полюбоваться на себя, такъ вонъ черезъ улицу живетъ Урбанъ цырюльникъ, у него зеркало вдвое больше вашей головы, посмотритесь тамъ, а пока прощайте!

Съ этими словами отецъ легонько вытолкнулъ его вонъ изъ лавки, заперъ дверь и принялся за работу. Мальчикъ печально пошелъ черезъ улицу къ цырюльнику Урбану, котораго онъ отлично зналъ еще съ дѣтства.

— Здравствуйте, Урбанъ,—сказалъ онъ цырюльнику,—я пришелъ попросить васъ сдѣлать мнѣ одно одолженіе. Будьте такъ добры, позвольте мнѣ посмотрѣться въ ваше зеркало.

— Съ удовольствіемъ! вотъ оно!—разсмѣялся цырюльникъ, а посѣтители, которымъ онъ долженъ былъ стричь бороды, также разразились веселымъ смѣхомъ.—Вы такой молодецъ съ виду, стройный, высокій, шея у васъ, какъ у лебедя, руки, какъ у королевы, а носикъ маленькій и такой красивый, что лучше и не найти... Вы, пожалуй, черезчуръ возгордитесь, когда увидите себя въ зеркалѣ, но, все-таки, посмотритесь, я не хочу, чтобы обо мнѣ говорили, что я изъ зависти не позволилъ вамъ заглянуть въ свое зеркало.

Такъ говорилъ цырюльникъ, и его мастерская огласилась громкимъ хохотомъ. Яша подошелъ, между тѣмъ, къ зеркалу и взглянулъ на себя. Глаза его наполнились слезами.

— Да, дорогая мама, конечно, ты не могла узнать своего Яши,—подумалъ онъ,—не таковъ онъ былъ въ тѣ счастливые дни, когда ты имъ такъ гордилась.

Глаза у него стали маленькіе, какъ у свиньи, носъ отвисъ къ самому подбородку, шеи, какъ

будто и совсѣмъ не было, потому что плечи поднимались выше головы. Ростъ его остался такимъ-же, какимъ былъ семь лѣтъ тому назадъ. Всѣ люди отъ двѣнадцати до двадцати лѣтъ ростутъ вверхъ, онъ-же выросъ въ ширину. Спина и грудь у него были необыкновенно широки, и туловище его походило на туго набитый мѣшокъ: оно сидѣло на маленькихъ, слабенькихъ ножкахъ, которыя, казалось, неспособны были носить подобную тяжесть. Къ плечамъ-же привѣшены были длинныя, какъ у взрослаго, руки, съ грубыми темнокоричневыми ладонями и длинными крючковатыми пальцами. Вытянувъ ихъ, онъ не нагибаясь могъ доставать до земли. Вотъ каковъ былъ теперь маленькій Яша. Онъ сдѣлался безобразнымъ карликомъ. Вспомнилъ онъ тутъ то утро, когда старуха подошла къ корзинкамъ его матери. Онъ насмѣхался тогда надъ ея длиннымъ носомъ, надъ безобразными руками, и всѣмъ этимъ она наградила его, не дала только длинной вертлявой шеи.

— Ну, очаровательный принцъ, вдоволь-ли вы налюбовались на себя,—со смѣхомъ разсматривая его, сказалъ цырюльникъ.—По правдѣ сказать, и во снѣ ничего подобнаго не увидишь. Но я хочу вамъ сдѣлать одно предложеніе, малютка. Хотя цырюльню мою публика посѣщаетъ, но за послѣднее время, все-таки, не такъ хорошо, какъ мнѣ бы хотѣлось. Это происходитъ оттого, что мой сосѣдъ, цырюльникъ Шаумъ добылъ себѣ гдѣ-то великана, который и приманиваетъ къ нему посѣтителей. Но вели-

канъ еще не большая рѣдкость, а вотъ такой человѣчекъ, какъ вы,—это другое дѣло! Поступайте ко мнѣ на службу, вы получите квартиру, столъ, одежду,—все у васъ будетъ! А за это каждое утро вы будете стоять у моихъ дверей и зазывать публику; будете готовить мыло, подавать посѣтителямъ полотенце, и обоимъ намъ, навѣрно, будетъ прекрасно. У меня посѣтителей будетъ больше, чѣмъ у сосѣда съ великаномъ, да и вамъ каждый охотно дастъ на чаекъ.

Яшу возмутило предложеніе цырюльника, но онъ терпѣливо перенесъ эту обиду,—и, совершенно спокойно отвѣтивъ цырюльнику, что у него нѣтъ времени на подобную службу, пошелъ дальше.

Старуха придала ему безобразную внѣшность. Но онъ отлично чувствовалъ, что души его она не коснулась. Думалъ онъ теперь не такъ, какъ семь лѣтъ тому назадъ; нѣтъ, ему казалось, что онъ за это время сдѣлался много мудрѣе и разумнѣе. О красотѣ своей онъ не жалѣлъ, не огорчался онъ и своимъ безобразіемъ, но обидно и горько ему было то, что родной отецъ прогналъ его, какъ собаку, отъ своихъ дверей. Онъ рѣшилъ сдѣлать еще попытку обратиться къ матери. Онъ пошелъ къ ней на рынокъ и попросилъ ее спокойно выслушать его. Онъ напомнилъ ей тотъ день, когда его увела старуха, припомнилъ ей всѣ малѣйшія приключенія своего дѣтства, разсказалъ ей потомъ, какъ онъ служилъ семь лѣтъ въ качествѣ бѣлки у волшебницы, и въ кого она его превратила за то, что онъ тогда

посмѣялся надъ ней. Жена сапожника не знала, что и подумать. Все, что онъ разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ, было вѣрно. Но когда онъ сказалъ ей, что семь лѣтъ прожилъ бѣлкой, она отвѣтила:—Это невозможно, волшебницъ не бываетъ.—Глядя на него, она не могла повѣрить, чтобъ этотъ отвратительный, безобразный карликъ могъ быть ея сыномъ. Наконецъ, она рѣшила, что лучше поговорить объ этомъ съ мужемъ. Она убрала всѣ свои корзинки и велѣла ему идти за собой. Они пришли къ лавкѣ сапожника.

— Слушай, — сказала она мужу,— этотъ человѣкъ называетъ себя нашимъ пропавшимъ Яшей.— Онъ мнѣ все разсказалъ, какъ его украли семь лѣтъ тому назадъ, и какъ какая-то фея околдовала его.

— Вотъ что!—прервалъ ее съ гнѣвомъ сапожникъ.—Это онъ разсказалъ тебѣ? Подожди-же ты, негодяй! Не больше часа тому назадъ все это я самъ ему разсказалъ, а теперь онъ пошелъ дурачить тебя! Тебя околдовали, сыночекъ? Постой—вотъ я тебя опять расколдую!—Тутъ онъ схватилъ пучокъ ремней, которые только что нарѣзалъ, наскочилъ на карлика и началъ его бить по его большому горбу и длиннымъ рукамъ, такъ что тотъ съ крикомъ и рыданьемъ пустился въ бѣгство.

Въ этомъ городѣ, какъ и повсюду вообще, людей сострадательныхъ, готовыхъ помочь несчастному, было мало. Поэтому несчастный карликъ цѣлый день пробылъ безъ питья и безъ пищи, а вечеромъ долженъ былъ лечь на церковной лѣстницѣ.

На слѣдующее утро, проснувшись съ первыми лучами солнца, онъ серьезно задумался, какъ ему теперь жить и куда пристроиться, разъ отецъ и мать отвергли его. Гордость не позволяла ему поступить на службу къ цырюльнику, чтобы собою заманивать посѣтителей. Не хотѣлъ онъ также поступить къ какому-нибудь фокуснику и показываться за деньги. Что-же ему дѣлать? Тутъ онъ вспомнилъ, что въ то время когда онъ былъ бѣлкой, онъ оказывалъ большіе успѣхи въ поварскомъ искусствѣ; на этомъ основаніи онъ рѣшилъ, что можетъ соперничать со многими поварами. И рѣшилъ воспользоваться своимъ знаніемъ.

Какъ только совсѣмъ разсвѣло, а по улицамъ заходили люди, онъ вошелъ въ церковь и помолился. Потомъ онъ отправился дальше. Герцогъ, правитель этой страны славился своею любовью попить и покушать. У него была лучшая кухня въ странѣ и поваровъ добывалъ онъ себѣ со всего свѣта. Нашъ карликъ направился къ его дворцу. У главныхъ воротъ стража спросила, что ему нужно, и всѣ начали смѣяться надъ нимъ. Но онъ потребовалъ завѣдующаго кухней. Его со смѣхомъ повели по двору, и всѣ слуги, встрѣчавшіеся по дорогѣ, смотрѣли на него, хохотали и присоединялись къ провожатымъ, такъ что, малу-по-малу набралась толпа людей, и къ подъѣзду подвигалось цѣлое шествіе. Конюхи побросали свои скребницы, со всѣхъ ногъ бѣжали скороходы, ковершики побросали свои ковры—всѣ толпились. Произошла суматоха, точно къ воротамъ

дворца подступилъ непріятель, а воздухъ огласился криками: „Карликъ, карликъ! Смотрите, карликъ!“

Съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ появился въ дверяхъ свирѣпый смотритель дворца. — Господи Боже мой, чего вы такъ расшумѣлись. Развѣ вы не знаете, что нашъ господинъ еще спитъ? — При этомъ онъ началъ хлестать своимъ бичемъ по спинамъ конюховъ и сторожей.—Ахъ, сударь!—кричали они,—развѣ вы не видите? Мы привели карлика, такого карлика, какого вы никогда еще не видали.—Тутъ смотритель дворца, увидавъ малютку и самъ не могъ удержаться отъ смѣха, несмотря на то, что боялся уронить свое достоинство. Толпу онъ однако разогналъ, а карлика провелъ въ домъ и спросилъ, что ему нужно. Услыхавъ, что карликъ хочетъ видѣть завѣдующаго кухней, онъ возразилъ:— Ты ошибаешься, малютка! Тебѣ нужно ко мнѣ, смотрителю дворца. Ты хочешь сдѣлаться придворнымъ карликомъ герцога—не такъ-ли?

— Нѣтъ, сударь!—возразилъ карликъ.—Я искусный поваръ и умѣю приготовлять самыя рѣдкія кушанья. Проведите меня къ завѣдующему кухней, можетъ быть, онъ воспользуется моимъ искусствомъ.

— У каждаго свой вкусъ, крошка; но ты, видно, глуповатъ. Въ кухню!.. Если поступишь въ придворные карлики, работы у тебя никакой не будетъ, а ѣды и питья сколько душѣ угодно, и одежда красивая!.. Впрочемъ, мы посмотримъ. Только едва-ли хватитъ у тебя умѣнья, чтобы занять мѣсто главнаго повара герцога, для кухоннаго-же мальчика ты

слишкомъ хорошъ.—Съ этими словами смотритель взялъ его за руку и повелъ въ комнату завѣдующаго кухней.

Завѣдующій кухней осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и разразился громкимъ хохотомъ.—Какъ?—крикнулъ онъ.—Ты хочешь быть поваромъ? Неужели ты думаешь, что у насъ въ кухнѣ плиты такія низкія! ты ни до одной не достанешь, если даже подымешься на цыпочки и вытянешь, насколько можешь, голову! Ахъ ты, мальчикъ! Тотъ, кто тебя послалъ ко мнѣ наниматься въ повара, хотѣлъ, навѣрное, подурачиться надъ тобой?

Завѣдующій отъ души хохоталъ, а за нимъ и смотритель дворца и вся бывшая тутъ прислуга.

Но карликъ не смутился. — Что вамъ стоитъ дать мнѣ одно или два яйца, немножко сиропу и вина, муки и пряностей, вѣдь здѣсь всего этого вдоволь?—сказалъ онъ.—Закажите мнѣ какое-нибудь вкусное блюдо! Дайте мнѣ всего, что нужно для этого, и я на вашихъ глазахъ его приготовлю. И вы навѣрное тогда скажете: „да, онъ настоящій поваръ“.

Малютка говорилъ, и странно при этомъ было видѣть, какъ сверкали его маленькіе глазки, извивался его длинный носъ, и какія смѣшныя движенія тонкихъ крючковатыхъ пальцевъ сопровождали его слова.

— Хорошо!—сказалъ завѣдующій кухней и взялъ смотрителя дворца подъ руку.—Хорошо, ради шутки это можно устроить! Пойдемте въ кухню!

Они прошли черезъ множество комнатъ и коридоровъ и пришли, наконецъ, въ кухню. Это было громадное, длинное, великолѣпно устроенное зданіе. Тамъ въ двадцати печкахъ горѣлъ постоянный огонь. Посрединѣ въ бассейнѣ проточной воды плавали рыбы. Необходимые запасы хранились въ великолѣпныхъ шкапахъ изъ мрамора и дорогого дерева. Налѣво и направо было десять комнатъ, въ которыхъ складывали все цѣнное и вкусное, вывезенное изъ разныхъ странъ, даже съ востока. По кухнѣ бѣгало множество прислуги. Всѣ шумѣли и возились съ кастрюлями, сковородами, вилками и ложками. При входѣ завѣдующаго кухней все смолкло и остановилось, слышенъ былъ только трескъ дровъ въ печахъ, да журчанье воды.

— Что нашъ повелитель заказалъ сегодня къ завтраку?—строго спросилъ завѣдующій кухней повара.

— Сударь, онъ изволилъ заказать датскій супъ и гамбургскіе пирожки.

— Хорошо,—продолжалъ завѣдующій кухней,—слышалъ-ли ты, что желаетъ кушать нашъ господинъ? Сумѣешь-ли ты приготовить эти трудныя блюда? Пирожковъ-то, во всякомъ случаѣ, не приготовишь: рецептъ ихъ—тайна нашего повара.

— Нѣтъ ничего легче,—возразилъ карликъ ко всеобщему удивленію. Бѣлкой онъ часто готовилъ эти кушанья.—Нѣтъ ничего легче: на супъ дайте мнѣ овощей и пряностей,—и онъ назвалъ подробно, какихъ,—сала отъ дикой свиньи, кореньевъ и яицъ;

для пирожковъ-же,—сказалъ онъ тише, такъ чтобы его могли слышать только завѣдующій кухней и поваръ,—для пирожковъ мнѣ надо нѣсколько сортовъ мяса, немножко вина, гусинаго жиру, имбирю и извѣстной зелени, называемой „Утѣха желудка“.

— Хм! Во имя святого Бенедикта! У какого колдуна ты учился?—съ удивленіемъ сказалъ поваръ.—Все до малѣйшей подробности вѣрно, а про зелень „Утѣха желудка“ мы и сами даже не знали. Но это еще больше придастъ вкусу. Ты просто чудо—поваръ!

— Вотъ никогда бы этого не подумалъ,—сказалъ завѣдующій кухней,—пусть онъ попробуетъ. Дайте ему провизіи, посуду и все остальное, пусть онъ начнетъ готовить завтракъ!

Все, что онъ приказалъ, было сдѣлано, вся провизія была принесена къ плитѣ. Тутъ оказалось, что карликъ могъ достать плиту только кончикомъ носа. Тогда составили два стула, положили на нихъ мраморную доску и сказали маленькому чудодѣю, чтобы онъ показалъ свои чудеса. Около него большимъ кругомъ столпились повара, поварята, прислуга и разный народъ. Всѣ смотрѣли и удивлялись, какъ ловко и проворно онъ работалъ, какъ чисто и красиво готовилъ. Заправивъ оба кушанья, онъ приказалъ ихъ поставить на огонь, и кипятить до тѣхъ поръ, пока онъ не остановитъ. Самъ же онъ началъ считать: разъ, два, три и т. д. Насчитавъ пятьсотъ, крикнулъ: „стой!“ Кастрюли сняли съ

... Малютка, ты мастерски готовишь...

огня, и карликъ пригласилъ завѣдующаго попробовать кушанье.

Главный поваръ приказалъ поваренку принести золотую ложку, обмылъ ее и передалъ завѣдующему. Тотъ съ торжественнымъ видомъ подошелъ къ плитѣ, попробовалъ, прищурился, щелкнулъ отъ удовольствія языкомъ и сказалъ:—Чудесно! Клянусь жизнью герцога, чудесно! Не хотите ли вы, смотритель, попробовать ложечку?—Тотъ поклонился, взялъ ложку, попробовалъ и пришелъ въ совершенный восторгъ.

— Надо отдать вамъ честь, любезный,—обратился онъ къ повару,—вы опытны и свѣдущи въ вашемъ дѣлѣ, но ни супу, ни гамбургскихъ пирожковъ вы такъ хорошо не умѣете готовить.—Поваръ тоже попробовалъ и потомъ пожалъ руку карлику со словами: — Малютка! Ты мастерски готовишь!.. Да, зелень „Утѣха желудка“ придаетъ всему этому особенный вкусъ.

Въ эту минуту пришелъ въ кухню камердинеръ и сказалъ, что герцогъ хочетъ завтракать. Кушанье переложили на серебряное блюдо и послали герцогу. Завѣдующій кухней пригласилъ карлика къ себѣ въ комнату и началъ съ нимъ бесѣдовать. Но недолго они просидѣли, какъ вдругъ прибѣжалъ посланный звать завѣдующаго кухней къ господину.

Онъ быстро одѣлъ свое парадное платье и послѣдовалъ за слугой.

Герцогъ, казалось, былъ очень доволенъ. Все, что было на блюдѣ, онъ съѣлъ, и, когда вошелъ завѣдующій кухней, онъ вытиралъ себѣ бороду.

— Послушай, завѣдующій, сказалъ онъ,—до сихъ поръ я всегда былъ очень доволенъ твоей кухней, но скажи мнѣ, кто сегодня готовилъ мнѣ завтракъ? Съ того самаго дня, какъ я занялъ престолъ моихъ предковъ, мнѣ никогда не подавали такого вкуснаго завтрака. Скажи, какъ зовутъ этого повара, я пошлю ему нѣсколько золотыхъ!

— Господинъ! это удивительная исторія,—отвѣчалъ завѣдующій кухней и разсказалъ, какъ ему сегодня утромъ привели карлика, который во что бы то ни стало хотѣлъ быть поваромъ, и что изъ всего этого вышло.

Герцогъ очень удивился, приказалъ привести къ себѣ карлика и спросилъ его: кто онъ, и откуда пришелъ. Бѣдный Яша, конечно, не могъ сказать, что онъ околдованъ и что раньше онъ былъ бѣлкой. Но стараясь, тѣмъ не менѣе, придерживаться истины, онъ разсказалъ, что у него теперь нѣтъ ни отца, ни матери, и что онъ учился готовить кушанья у одной старушки. Герцогъ больше не разспрашивалъ, его очень поразила странная наружность новаго повара.

— Хочешь остаться у меня?—сказалъ онъ,—я буду тебѣ давать пятьдесятъ золотыхъ въ годъ, праздничную одежду, да еще двѣ пары шароваръ. И за это ты долженъ ежедневно готовить мнѣ завтракъ, указывать, какъ нужно приготовить обѣдъ и, вообще, заботиться о моей кухнѣ. А такъ какъ каждому во дворцѣ я даю какое-нибудь имя, то ты

будешь называться „Носъ“ и будешь состоять въ званіи помощника завѣдующаго кухней.

Карликъ Носъ палъ ницъ передъ могучимъ герцогомъ, поцѣловалъ ему ногу и обѣщался служить вѣрой и правдой.

Теперь Яша былъ обезпеченъ и обязанности свои онъ выполнялъ съ честью. Герцогъ сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ въ его домѣ водворился карликъ Носъ. Бывало, онъ частенько бросалъ въ голову повара блюда и подносы, которые ему приносили. А однажды, когда жареная телячья нога показалась ему недостаточно мягкою, онъ разгнѣвался и запустилъ ею прямо въ лобъ самому завѣдующему кухней, такъ что тотъ свалился съ ногъ и потомъ три дня пролежалъ въ постели. Хотя герцогъ свои гнѣвныя вспышки и заглаживалъ потомъ золотомъ, всетаки, слуги никогда безъ трепета не входили къ нему съ кушаньемъ. Со времени же появленія въ домѣ карлика, все измѣнилось, точно по волшебству. Вмѣсто трехъ герцогъ теперь ѣлъ пять разъ въ день, чтобы побольше насладиться искусствомъ своего маленькаго слуги. И никогда даже признака неудовольствія не появлялось на его лицѣ. Напротивъ, все ему казалось новымъ, прекраснымъ, со всѣми онъ былъ ласковъ и любезенъ и съ каждымъ днемъ дѣлался все толще и толще.

Часто въ серединѣ обѣда онъ приказывалъ позвать завѣдующаго кухней и карлика Носа, сажалъ ихъ около себя, одного направо, другого налѣво, и

собственноручно клалъ имъ въ ротъ по кусочку самыхъ тонкихъ кушаній. Это считалось величайшею милостью, и оба цѣнили ее.

Карликъ сдѣлался басней всего города. У завѣдующаго кухней выпрашивали позволенія посмотрѣть, какъ карликъ готовитъ, и нѣкоторые знатнѣйшіе господа добивались у герцога разрѣшенія для своихъ поваровъ поучиться у карлика. Это давало большой доходъ карлику, потому что каждый поваръ ему платилъ по золотому за одинъ день ученья. Но карликъ всѣ эти деньги отдавалъ другимъ поварамъ, чтобы они не сердились и не завидовали ему.

Карликъ Носъ прожилъ, такимъ образомъ въ довольствѣ и почетѣ около двухъ лѣтъ. Все шло хорошо, только мысль о родителяхъ глубоко огорчала его. Но вотъ однажды случилось съ нимъ слѣдующее приключеніе.

Карликъ Носъ былъ особенно искусенъ и счастливъ въ покупкахъ. Поэтому, когда ему позволяло время, онъ самъ ходилъ на рынокъ покупать фрукты и птицу. Однажды утромъ онъ пошелъ на гусиный рынокъ искать тамъ тяжелыхъ жирныхъ гусей, какихъ особенно любилъ герцогъ. Нѣсколько разъ прошелъ онъ взадъ и впередъ, осматривая птицу. Фигура его здѣсь не вызывала ни улыбокъ, ни насмѣшекъ, наоборотъ, всѣ относились къ нему съ почтеніемъ. Всѣ знали знаменитаго главнаго повара герцога, и каждая торговка почитала себя счастливой, когда онъ поворачивалъ въ ея сторону свой длинный носъ.

Въ самомъ концѣ одного ряда онъ увидалъ торговку, которая тоже продавала гусей, но не хвалила громко свой товаръ и не зазывала покупателей, какъ другія. Онъ подошелъ къ ней, осмотрѣлъ и взвѣсилъ ея гусей. Они оказались именно такими, какихъ онъ искалъ. И онъ купилъ трехъ гусей вмѣстѣ съ клѣткой, поднялъ ихъ на свои широкія плечи и понесъ домой. Только ему показалось страннымъ, что въ то время, какъ двое гусей кричали и крякали по-гусиному, третій сидѣлъ молча, и только вздыхалъ и стоналъ, совсѣмъ какъ человѣкъ.

— Этотъ, должно быть, боленъ, — подумалъ онъ:—нужно поскорѣе его зарѣзать.—Но тутъ гусь совершенно ясно и громко сказалъ:

Колоть станешь меня,
Укушу я тебя.
Если шею свернешь,
Самъ въ могилу пойдешь.

Перепуганный карликъ Носъ опустилъ клѣтку на землю. Гусь смотрѣлъ на него прекрасными умными глазами и вздыхалъ.

— Э! вотъ тебѣ на!—воскликнулъ Носъ.—Эта молодая гусыня умѣетъ говорить! Вотъ никакъ не ожидалъ. Ну, не бойся. Понятно, такую рѣдкую птицу нельзя губить. Но я готовъ пари держать, что она не всегда была въ этихъ перьяхъ. Вѣдь и я когда-то былъ ничтожной бѣлкой.

— Ты правъ,—сказала она.—Не въ этой презрѣнной шкурѣ я родилась. Кто могъ ожидать, что Мими, дочь великаго Громобоя, будетъ заколота на кухнѣ герцога!

— Будьте спокойны, милая госпожа Мими,— утѣшилъ ее карликъ,—васъ никто не тронетъ. Это такъ-же вѣрно, какъ и то, что я честный человѣкъ и помощникъ завѣдующаго кухней герцога.

Я устрою для васъ помѣщеніе въ собственныхъ комнатахъ; корму у васъ будетъ достаточно, а въ свободное время я буду занимать васъ разговорами. На кухнѣ-же я скажу всѣмъ, что хочу для герцога

...Какъ только выпадало у него свободное время, онъ приходилъ побесѣдовать съ ней...

выкормить гуся особенными травами. А какъ только подойдетъ случай, я васъ выпущу на свободу.

Гусыня со слезами на глазахъ благодарила его. И карликъ сдержалъ свое обѣщаніе: двухъ гусей онъ закололъ, а для Мими онъ устроилъ особое помѣщеніе, объяснивъ всѣмъ, что хочетъ выкормить для герцога гуся особеннымъ способомъ. Обыкновеннаго гусинаго корму онъ не давалъ ей, а приносилъ пирожки и сладкія блюда. Какъ только выпадало у него свободное время, онъ приходилъ къ ней бесѣдовать и утѣшать ее. Они разсказали другъ другу свои приключенія, и Носъ узналъ, что гусыня—дочь обитавшаго на островѣ Готландѣ волшебника Громобоя, который былъ во враждѣ со старой волшебницей; та обманомъ и хитростью побѣдила его, а дочь превратила въ гусыню и перенесла сюда. Когда, въ свою очередь, карликъ Носъ разсказалъ ей свою исторію, она сказала:

— Я не очень опытна въ этихъ дѣлахъ. Однако, отецъ мой давалъ мнѣ съ сестрой нѣкоторыя указанія. Ссора у корзинки съ зеленью, твое неожиданное превращеніе, когда ты понюхалъ той зелени, нѣкоторыя слова старухи, которыя ты мнѣ сообщилъ—все это убѣждаетъ меня, что ты заколдованъ травою. Это значитъ: если ты найдешь ту траву, о которой думала волшебница при твоемъ превращеніи, ты избавишься отъ чаръ.

Но для карлика это послужило небольшимъ утѣшеніемъ. Гдѣ-же ему отыскать эту траву? Однако-жъ

онъ былъ очень благодаренъ гусынѣ, потому что у него появилась нѣкоторая надежда на избавленіе.

Около этого времени пріѣхалъ къ герцогу другъ его, одинъ изъ сосѣднихъ принцевъ. По этому случаю онъ приказалъ позвать къ себѣ карлика Носа и сказалъ ему:

— Вотъ когда настало время тебѣ доказать, что ты служишь вѣрой и правдой и что ты—мастеръ своего дѣла. У моего гостя принца самая лучшая послѣ моей кухня, и самъ онъ—великій знатокъ тончайшихъ блюдъ и умнѣйшій человѣкъ. Постарайся-же придумывать кушанья такъ, чтобъ они съ каждымъ днемъ все больше и больше приводили въ изумленіе принца. При томъ все время, пока онъ здѣсь, не смѣй повторить ни одного кушанья, иначе тебѣ грозитъ моя немилость. Что бы тебѣ ни понадобилось для этого, все ты можешь требовать отъ моего казначея. Если бы даже золото и алмазы понадобилось тебѣ жарить въ салѣ, дѣлай и это! Я охотнѣй соглашусь сдѣлаться нищимъ, чѣмъ покраснѣть передъ принцемъ за тебя.

Такъ сказалъ герцогъ. Карликъ-же, поклонившись съ достоинствомъ, отвѣчалъ ему:

— Господинъ, твое приказаніе будетъ исполнено. Съ Божьей помощью я сдѣлаю все, чтобъ принцу, знатоку кушанья, понравился твой столъ.

И крошка поваръ напрягъ всѣ усилія; онъ не щадилъ сокровищъ герцога, не щадилъ и самого себя. По цѣлымъ днямъ видѣли его окруженнымъ облаками дыма и пламени, и голосъ его безпрерывно

раздавался подъ сводами кухни, властно командуя кухонными мальчиками и поварами.

Иностранный принцъ гостилъ уже двѣ недѣли у герцога и веселился отъ всей души. Ѣли они не менѣе пяти разъ въ день, и герцогъ былъ доволенъ искусствомъ карлика. На челѣ своего гостя онъ видѣлъ полнѣйшее удовольствіе. Но вотъ на пятнадцатый день онъ призвалъ къ столу карлика и, представляя его принцу спросилъ своего гостя, доволенъ-ли онъ его кушаньями?

— Ты чудеснѣйшій поваръ,—отвѣтилъ иностранный принцъ,—и знаешь, что значитъ хорошо поѣсть. Во все время, пока я здѣсь, ты ни одного кушанья не повторилъ, и все было приготовлено прекрасно. Но скажи мнѣ, почему до сихъ поръ ты не угостишь насъ самымъ лучшимъ блюдомъ—паштетомъ „Сюзеренъ“?

Карликъ очень испугался. Онъ никогда не слыхалъ о паштетѣ Сюзеренъ, однако, онъ собрался съ духомъ и отвѣчалъ:

— Господинъ! я надѣялся, что ты долго еще прогостишь при нашемъ дворѣ, и потому все откладывалъ это кушанье. Чѣмъ-же иначе поваръ можетъ почтить твой отъѣздъ, какъ не паштетомъ Сюзеренъ?

— Вотъ что!—со смѣхомъ перебилъ герцогъ.— А меня ты хотѣлъ видно заставить ждать до смерти, и тогда ужъ почтилъ бы этимъ кушаньемъ? Вѣдь ты никогда еще не подавалъ мнѣ такого паштета. Ну, придумай какой-нибудь другой прощальный

привѣтъ, а этотъ паштетъ завтра ты долженъ подать намъ къ столу.

— Приказаніе твое будетъ исполнено, государь!— отвѣтилъ карликъ и вышелъ. Но не весело было у него на душѣ. Насталъ, видно, день его позора и несчастья. Онъ совсѣмъ не зналъ, какъ приготовить такой паштетъ. Онъ пришелъ въ свою комнату и расплакался надъ своей горькой участью. Тогда гусыня Мими, разгуливавшая по его комнатамъ на свободѣ, подошла къ нему и спросила, чѣмъ онъ такъ огорченъ?

— Утри свои слезы, — отвѣтила она, услыхавъ о паштетѣ „Сюзеренъ“,—это кушанье часто подавалось у моего отца, и я знаю, изъ чего оно приготовляется. Возьми... — и она разсказала ему подробно, чего взять,—а если это даже и не все, что нужно, такъ у господъ, навѣрное, не такъ ужъ развитъ вкусъ, чтобы различить, чего недостаетъ.

Такъ говорила Мими. Карликъ подпрыгнулъ отъ радости, благословилъ тотъ день, когда купилъ гусыню и приготовился дѣлать паштетъ. Сперва для опыта онъ сдѣлалъ маленькій паштетъ и нашелъ, что онъ удивительно вкусенъ, а завѣдующій кухней, которому онъ далъ попробовать, опять подивился его необыкновенному искусству.

На слѣдующій день онъ приготовилъ паштетъ въ большой формѣ и, украсивъ его гирляндами цвѣтовъ, прямо горячій, только что вынутый изъ печки послалъ къ столу. Самъ онъ надѣлъ свое лучшее платье и отправился въ столовую. Слуга только

что разрѣзалъ паштетъ и, положивъ его на серебряное блюдечко, подалъ герцогу и его гостю. Герцогъ взялъ довольно большой кусокъ, поднялъ глаза къ потолку и, проглотивъ, сказалъ:—А-а-а! Не даромъ онъ называется паштетомъ „Сюзеренъ“! Мой карликъ король всѣхъ поваровъ, не правда-ли, любезный другъ?

Гость взялъ маленькій кусочекъ, попробовалъ, внимательно посмотрѣлъ и насмѣшливо, загадочно улыбнулся.

— Кушанье приготовлено недурно, — отвѣтилъ онъ, отодвигая отъ себя тарелку,—но это совсѣмъ не „Сюзеренъ“, я такъ и зналъ это!

Тутъ герцогъ нахмурился отъ негодованія и покраснѣлъ отъ стыда.

— Какъ ты смѣешь такъ срамить своего господина? закричалъ онъ.—Вѣдь въ наказаніе за такую плохую стряпню я долженъ приказать отрубить твою большую голову!

— Ахъ, господинъ! Богъ свидѣтель, я приготовилъ кушанье по всѣмъ правиламъ искусства, не можетъ быть, чтобъ въ немъ чего-нибудь не доставало!—дрожа говорилъ карликъ.

— Ты лжешь, мальчишка!—перебилъ его герцогъ и оттолкнулъ отъ себя ногой. — Въ такомъ случаѣ мой гость не говорилъ бы, что тамъ чего-то недостаетъ. Я тебя самого изрублю и въ паштетѣ зажарю!

— Смилуйтесь! — закричалъ карликъ, бросился на колѣни передъ гостемъ и обнялъ его ноги.—

Скажите, чего недостаетъ въ этомъ кушаньѣ, отчего оно вамъ не понравилось? Не погубите меня изъ-за горсти муки и куска мяса.

— Это тебѣ, любезный Носъ, мало поможетъ,— съ улыбкой отвѣтилъ гость.—Я вчера еще думалъ, что ты не приготовишь этого кушанья такъ, какъ это дѣлаетъ мой поваръ. Знай-же, тутъ недостаетъ „Чихай травы“, которую въ этой странѣ не знаютъ, а безъ нея паштетъ не имѣетъ настоящей остроты, и твой господинъ никогда не будетъ его ѣсть такимъ, какимъ ѣлъ его я.

Герцогъ пришелъ въ ярость.

— Нѣтъ, я буду его ѣсть! — закричалъ онъ, сверкая глазами.—Клянусь честью, или завтра-же будетъ такой паштетъ, какой вы требуете, или голова этого карлика будетъ посажена на колъ у воротъ моего дворца. Иди, мальчишка, даю тебѣ двадцать четыре часа времени.

Такъ приказалъ герцогъ, и карликъ пошелъ въ свою комнатку; онъ горько сталъ жаловаться гусынѣ на свою участь и рѣшилъ, что теперь спасенья для него нѣтъ, такъ какъ про такую траву онъ никогда не слыхалъ.

— Если горе только въ этомъ,—сказала она,— такъ я могу еще помочь, потому что отецъ мой выучилъ меня распознавать всякія травы. Въ другое время ты, дѣйствительно, могъ бы погибнуть, но, къ счастью, теперь новолуніе, а трава эта расцвѣтаетъ именно въ новолуніе. Скажи только мнѣ, есть-ли поблизости отъ дворца старые каштаны.

— О, да!—съ облегченнымъ сердцемъ воскликнулъ Носъ,—у озера, шаговъ двѣсти отъ дома, растетъ цѣлая группа ихъ. Но на что они тебѣ?

— Эта трава цвѣтетъ только у подножія старыхъ каштановъ,—сказала Мими. — Не будемъ-же терять времени даромъ, пойдемъ искать то, что тебѣ нужно. Возьми меня на руки и отнеси туда, я найду тебѣ траву.

Онъ исполнилъ ея просьбу, взялъ ее и пошелъ къ воротамъ дворца. Но здѣсь привратникъ преградилъ ему выходъ своимъ оружіемъ и сказалъ:

— Любезный Носъ! ты не смѣешь выходить изъ дворца, мнѣ отданъ строжайшій приказъ объ этомъ.

— Но въ садъ-то, вѣдь, мнѣ можно выйти?— возразилъ карликъ.—Будь такъ добръ, пошли когонибудь изъ своихъ товарищей спросить смотрителя, нельзя-ли мнѣ пойти въ садъ поискать траву.

Привратникъ такъ и сдѣлалъ; разрѣшеніе получилось, потому что садъ былъ обнесенъ высокой стѣной, и убѣжать оттуда было немыслимо. Когда Носъ съ гусыней Мими вышли на лужайку, онъ осторожно спустилъ ее на землю, и она быстро побѣжала прямо къ озеру, гдѣ росли каштаны. Съ сердечнымъ замираніемъ карликъ послѣдовалъ за ней,—вѣдь это была послѣдняя, единственная надежда на спасеніе. Онъ твердо рѣшилъ, въ случаѣ если эта зелень не найдется, лучше броситься въ озеро, чѣмъ пойти на плаху.

Поиски гусыни были напрасны. Она обошла всѣ каштаны, отворачивала каждую травку, но ничего

...— Но въ садъ-то мнѣ можно выйти?..

не нашла, и отъ жалости и страха начала уже плакать. Темнѣло все больше и больше, и все труднѣе и труднѣе становилось различать предметы. Тутъ карликъ взглянулъ на озеро и вдругъ закричалъ:

— Смотри, смотри, тамъ за озеромъ растетъ еще одно большое старое дерево, пойдемъ скорѣй туда: можетъ быть, тамъ цвѣтетъ мое счастье.

Гусыня полетѣла впередъ, а карликъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ устремился за ней. Старый каштанъ бросалъ отъ себя густую тѣнь, кругомъ было совершенно темно, такъ что почти ничего нельзя было разобрать, но вдругъ гусыня остановилась, захлопала радостно крыльями, быстро сунула голову въ густую траву, сорвала что-то и осторожно въ клювѣ подала удивленному Носу со словами:

— Вотъ эта трава! Здѣсь ея такъ много растетъ, что у тебя никогда не будетъ въ ней недостатка.

Карликъ внимательно осмотрѣлъ траву, и пріятное благоуханіе ея вдругъ воскресило въ его памяти всѣ событія его превращенія. Стебель и листья травы были синевато-зеленые, а цвѣты красные съ зеленой каймой.

— Слава Богу!—воскликнулъ онъ, наконецъ,—какое чудо! знаешь, это та самая трава, которая изъ бѣлки превратила меня въ несчастнаго урода,—не испробовать-ли мнѣ силу этой травы?

— Нѣтъ, подожди,—возразила гусыня,—возьми-ка полную горсть травы и пойдемъ въ твою комнату: тамъ ты соберешь всѣ твои деньги и имущество, и тогда ужъ можно будетъ попробовать силу этой травы.

Они такъ и сдѣлали, возвратились въ комнату. Отъ ожиданія сердце карлика билось все сильнѣй и сильнѣй. Связавъ въ узелокъ нѣсколько золотыхъ монетъ, платье и башмаки, онъ сказалъ:

— Если Богу угодно, я избавлюсь отъ моего бремени!

И онъ глубоко засунулъ въ траву свой носъ и втянулъ въ себя ея запахъ. И вотъ всѣ члены его тѣла содрогнулись и какъ-бы затрещали. Онъ почувствовалъ, что голова его подымается надъ плечами, онъ взглянулъ на свой носъ и увидалъ, что тотъ дѣлается все меньше и меньше, спина и грудь начали выравниваться, а ноги вытянулись. Гусыня смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— О, какой ты высокій, какой красивый!—воскликнула она.—Слава Богу, отъ всего твоего безобразія ничего больше не осталось!

Яша очень обрадовался, скрестилъ руки и началъ молиться. Но въ радости своей онъ не забылъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ гусынѣ Мими. Онъ жаждалъ увидѣть поскорѣе своихъ родителей, но чувство благодарности побѣдило это желаніе и онъ сказалъ:

— Кого, какъ не тебя, я долженъ благодарить за то, что я опять сталъ самимъ собой. Безъ тебя я никогда не нашелъ бы этой травы и вѣчно остался бы въ прежнемъ своемъ видѣ, или, быть

можетъ, погибъ бы отъ руки палача. Я отплачу тебѣ за это. Я отвезу тебя къ твоему отцу; ему, опытному чародѣю, легко будетъ избавить тебя отъ чаръ.

Гусыня даже заплакала отъ радости и согласилась на его предложеніе. Яковъ съ гусыней выбрался изъ дворца благополучно,—его не узнали,— и направился къ берегу моря, на родину Мими.

Стоитъ-ли прибавлять, что путешествіе свое они совершили счастливо, что дочь свою волшебникъ избавилъ отъ чаръ, а Якова отпустилъ, одаривъ богатыми подарками. Яша возвратился на родину. Родители его съ удовольствіемъ признали красиваго молодого человѣка за своего сына; на подарки, полученные отъ отца Мими, онъ пріобрѣлъ лавочку и зажилъ богато и счастливо.

Но я, всетаки, долженъ вамъ сообщить, что послѣ бѣгства его во дворцѣ произошелъ большой переполохъ. На другой день герцогъ захотѣлъ исполнить свою угрозу и велѣлъ казнить карлика, если тотъ не нашелъ травы; но карликъ исчезъ. Принцъ утверждалъ, что герцогъ приказалъ его тайкомъ выпустить, чтобы не лишиться хорошаго повара, и обвинялъ его въ измѣнѣ своему слову. Изъ-за этого произошла большая война между правителями. Въ исторіи она извѣстна подъ именемъ „Травяной войны“. Битвъ было много, но, наконецъ, заключенъ былъ миръ, извѣстный подъ именемъ „Паштетнаго“, потому что на пиру, когда праздновали заключеніе мира, поваръ князя приготовилъ „Сюзеренъ“, и герцогу онъ очень понравился.

Часто отъ ничтожныхъ причинъ бываютъ серьезныя послѣдствія, и разсказъ о карликѣ Носѣ подтверждаетъ это съ большой очевидностью.

ффффффффффффффффффффффффффффффф

Маленькій Мукъ.

На дорогой моей родинѣ, въ Никсѣ, жилъ одинъ человѣкъ, по прозванію Маленькій Мукъ. Я тогда былъ еще очень юнъ, но живо помню его, особенно потому, что отецъ меня разъ чуть не до полусмерти исколотилъ за него. Маленькій Мукъ былъ уже довольно пожилымъ человѣкомъ, когда я его узналъ, а ростомъ меньше фута. Приэтомъ у него была странная фигура: туловище маленькое, тощее, а голова громадная, гораздо больше, чѣмъ у обыкновеннаго человѣка. У него былъ большой собственный домъ и жилъ онъ въ немъ совершенно одиноко, самъ даже кушанье готовилъ. Сидѣлъ онъ всегда дома, выходилъ только разъ въ мѣсяцъ. Въ городѣ никто бы и не зналъ, живъ онъ или умеръ, если бы въ обѣденное время не поднимался изъ трубы его дымъ. Впрочемъ, онъ часто показывался еще на крышѣ своего дома. Съ улицы тогда казалось, что по крышѣ быстро бѣгаетъ взадъ и впередъ только одна громадная голова.

Я и товарищи мои, мы были злые мальчики. Всякаго готовы мы были дразнить, надъ каждымъ

охотно насмѣхались. Но появленіе Мука для насъ было настоящимъ праздникомъ. Въ назначенный день мы собирались передъ большимъ домомъ и поджидали его выхода. Вотъ открывалась дверь, выглядывала сперва большая голова съ огромнымъ тюрбаномъ, а за нею потомъ слѣдовало остальное тѣло, одѣтое въ поношенный плащъ и длинныя шаровары. За широкимъ кушакомъ торчалъ длинный кинжалъ. Кинжалъ у Мука былъ необыкновенной длины. Можно было подумать, что самъ Мукъ былъ прикрѣпленъ къ кинжалу, а не кинжалъ къ Муку. Едва только онъ показывался въ такомъ видѣ, воздухъ громко оглашался нашими ликующими криками. Мы бросали вверхъ свои шапки и скакали вокругъ карлика, какъ сумасшедшіе. Но Маленькій Мукъ серьезно кивалъ намъ головой и медленно шествовалъ по улицѣ, шлепая своими большими широкими туфлями. Такихъ огромныхъ туфлей, какъ у него, я никогда еще не видалъ. Мы, мальчики, бѣжали за нимъ и не переставая кричали: „Мукъ! Маленькій Мукъ!“ А иногда начинали пѣть составленную про него веселенькую пѣсенку:

Карликъ Мукъ, карликъ Мукъ!
Въ большомъ домѣ жизнь проводитъ,
Лишь разъ въ мѣсяцъ къ намъ выходитъ!..
У тебя, карликъ несчастный,
Голова съ котелъ ужасный!..
Погляди-ка на насъ
И лови всѣхъ за разъ,
Мы проскочимъ межъ рукъ...
Карликъ Мукъ, карликъ Мукъ!..

Такъ мы потѣшались надъ нимъ. Къ стыду своему долженъ признаться, я всегда кричалъ боль-

ше всѣхъ, а иногда даже дергалъ его за плащъ. Разъ-же набрался такой смѣлости, что схватилъ его сзади за туфлю. Онъ такъ тутъ и растянулся. Сначала мнѣ показалось это очень смѣшнымъ. Но когда я увидалъ, что Маленькій Мукъ направился къ дому моего отца, мнѣ стало не до шутокъ. Въ домѣ онъ оставался недолго. Я спрятался за ворота и увидѣлъ, какъ Мукъ вышелъ въ сопровожденіи моего отца. Отецъ почтительно пожалъ ему руку и съ безконечными поклонами простился у двери. Это меня еще больше обезпокоило. Я не хотѣлъ показываться отцу и долго оставался въ своей засадѣ. Но голодъ однако выгналъ меня оттуда; онъ оказался страшнѣе побоевъ. Покорно, съ поникшей головой предсталъ я передъ своимъ отцомъ.

— Ты, я слышалъ, оскорбилъ добраго Мука?— сказалъ онъ очень серьезно.—Хорошо. Я разскажу тебѣ исторію этого Мука, и ты, навѣрное, тогда не будешь больше насмѣхаться надъ нимъ. Но передъ разсказомъ и послѣ ты получишь обычную порцію.

Обычная порція эта состояла изъ двадцати пяти ударовъ, которые онъ всегда въ подобныхъ случаяхъ отсчитывалъ мнѣ самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Онъ взялъ свой длинный чубукъ, отвинтилъ янтарный мундштукъ и отдѣлалъ меня лучше, чѣмъ когда-либо.

Отсчитавъ полностью двадцать пять, онъ приказалъ мнѣ внимательно слушать и вотъ что разсказалъ о Маленькомъ Мукѣ:

„Отецъ Маленькаго Мука, настоящее имя котораго Мукра, былъ человѣкъ бѣдный, но всѣ у насъ въ Никсѣ его очень уважали.

Жилъ онъ почти такимъ-же затворникомъ, какъ теперь его сынъ. Уродство сына очень огорчало его. Онъ не любилъ карлика и совсѣмъ не заботился объ его воспитаніи. Въ шестнадцать лѣтъ Маленькій Мукъ былъ еще беззаботнымъ ребенкомъ, и суровый отецъ всегда бранилъ его, называя глупымъ и легкомысленнымъ. Однажды отецъ его упалъ, сильно ушибся и вскорѣ потомъ умеръ, оставивъ Маленькаго Мука одинокимъ, бѣднымъ и необразованнымъ. Жестокіе родственники, которымъ покойникъ много задолжалъ и не выплатилъ, выгнали бѣднаго мальчика изъ дому и посовѣтовали ему идти по бѣлу свѣту искать счастья. Маленькій Мукъ отвѣчалъ, что онъ готовъ пуститься въ путь, если ему отдадутъ отцовское платье. Родственники исполнили его желаніе.

Отецъ его былъ высокій, толстый мужчина. Его платье карлику было широко и длинно. Но Мукъ недолго думалъ, подрѣзалъ его и надѣлъ. Только въ ширину-то онъ забылъ, видно, обрѣзать, поэтому, одежда у него оказалась странная: огромный тюрбанъ, широкій поясъ, широкія шаровары, синій плащъ—все это отцовское наслѣдство, съ которымъ онъ съ тѣхъ поръ никогда не разставался. Къ поясу онъ прицѣпилъ длинный отцовскій кинжалъ дамасскóй стали, взялъ палку и отправился въ путь.

Весело шелъ онъ цѣлый день,—все думалъ, что

вотъ сейчасъ найдетъ счастье! Замѣчалъ-ли блестѣвшій на солнцѣ черепокъ, тотчасъ пряталъ его къ себѣ въ карманъ, ожидая, что тотъ превратится въ великолѣпнѣйшій алмазъ. Завидитъ-ли вдали блестящую, какъ огонь, верхушку мечети, сверкнетъ-ли гдѣ зеркальная поверхность озера—полный радости тотчасъ-же стремится онъ къ нимъ, полагая, что пришелъ уже въ волшебное царство. Но увы! вблизи мечты исчезали, а ноющій отъ голода желудокъ и усталость напоминали ему, что онъ все еще въ странѣ смертныхъ. Голодный и унылый шелъ онъ такимъ образомъ два дня и отчаялся уже найти свое счастье. Дикіе плоды были его единственной пищей, а жесткая земля—постелью. На третій день утромъ увидалъ онъ на холмѣ большой городъ. Ярко блестѣлъ надъ зубцами стѣнъ полумѣсяцъ, на крышахъ развивались пестрые флаги и, казалось, манили къ себѣ Маленькаго Мука. Онъ въ удивленіи остановился и съ восторгомъ сталъ любоваться городомъ и его окрестностями. „Вотъ тамъ маленькій Мукъ найдетъ свое счастье!“ сказалъ онъ самъ себѣ и, несмотря на свою усталость, подпрыгнулъ отъ радости: „тамъ или нигдѣ!“ Онъ собралъ всѣ свои силы и направился къ городу. Хоть это и казалось близко, однако, только къ полудню добрался онъ до него. Его маленькія ноги совсѣмъ почти отказывались ему служить, и онъ часто принужденъ былъ садиться въ тѣни пальмъ и отдыхать. Наконецъ, онъ подошелъ къ воротамъ.

Тутъ онъ остановился, поправилъ свой плащъ,

тюрбанъ завязалъ покрасивѣе, расправилъ поясъ пошире, а длинный кинжалъ воткнулъ покосѣе. Наконецъ, отряхнувъ пыль съ башмаковъ, взялъ свою палку и смѣло вошелъ въ ворота.

Онъ прошелъ уже нѣсколько улицъ, но ни одна дверь не открывалась передъ нимъ, никто не позвалъ его, какъ онъ представлялъ себѣ въ воображеніи: „Войди, Маленькій Мукъ, покушай, утоли свою жажду и дай отдохнуть своимъ ножкамъ“.

Въ нетерпѣливомъ ожиданьи чего-то взглянулъ онъ на одинъ большой домъ. Тамъ раскрылось окно, выглянула какая-то старуха и закричала нараспѣвъ:

Сюда, сюда, сосѣдушки!
Спѣшите ко мнѣ, дѣтушки,
Скорѣе кашу ѣсть.
Здѣсь сварено все вкусно,
И столъ накрытъ искусно,
И есть куда всѣмъ сѣсть!

Открылась дверь и Мукъ увидѣлъ, что туда потянулось множество кошекъ и собакъ. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ раздумьи: не воспользоваться-ли и ему этимъ приглашеніемъ. Потомъ собрался съ духомъ и вошелъ въ домъ. Впереди его шло нѣсколько молоденькихъ кошечекъ, и онъ рѣшилъ послѣдовать за ними, такъ какъ онѣ, навѣрное, лучше его знали, гдѣ кухня.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Мукъ встрѣтилъ ту самую женщину, которая выглядывала въ окно. Она сердито взглянула на него и спросила, что ему нужно.

— Ты всѣхъ приглашала ѣсть свою кашу,—

отвѣтилъ Маленькій Мукъ,—а такъ какъ я очень голоденъ, то и я тоже пришелъ.

Старуха разсмѣялась и сказала:

— Откуда ты, чудакъ, явился? Весь городъ знаетъ, что я готовлю кушанье только своимъ миленькимъ кошечкамъ, а иногда приглашаю, какъ видишь, товарищей ихъ.

Маленькій Мукъ разсказалъ старушкѣ, какъ жестоко съ нимъ обошлись по смерти отца, и просилъ позволенія поѣсть сегодня съ ея кошками. Чистосердечный разсказъ мальчика очень понравился старушкѣ, она пригласила его къ себѣ въ гости, и вдоволь накормила и напоила. Когда-же онъ наѣлся и отдохнулъ, старушка пристально посмотрѣла на него и сказала:

— Маленькій Мукъ, оставайся у меня на службѣ; работы у тебя будетъ немного, а кормить я тебя буду хорошо.

Кошачья каша пришлась по вкусу Маленькому Муку, и онъ согласился быть слугою госпожи Ахавци. У него была легкая, но странная служба. У госпожи Ахавци было два кота и четыре кошки; каждое утро онъ долженъ былъ расчесывать имъ шерстку и смазывать дорогими мазями; когда хозяйка уходила, на его обязанности было смотрѣть за кошками; когда онѣ ѣли, онъ долженъ былъ подавать имъ блюда, а на ночь укладывать на шелковыя подушки и покрывать бархатными одѣялами. Было въ домѣ еще нѣсколько маленькихъ собачекъ, за которыми онъ долженъ былъ тоже ухаживать.

Но съ тѣми не такъ много было хлопотъ, какъ съ кошками. Кошекъ госпожа Ахавци содержала, какъ собственныхъ дѣтей. Впрочемъ, и здѣсь Мукъ былъ такъ же одинокъ, какъ и въ домѣ отца. По цѣлымъ днямъ, кромѣ госпожи Ахавци да кошекъ съ собаками, онъ никого не видалъ. Нѣкоторое время у Маленькаго Мука все шло прекрасно: ѣды всегда было вдоволь, а работы мало, и старушка, казалось, была имъ очень довольна. Но, мало-по-малу, кошки сдѣлались непослушными. Когда старушка уходила, онѣ, какъ сумасшедшія, прыгали по комнатамъ, опрокидывали все попадавшееся на пути, и перебили много красивой посуды. Заслышавъ-же еще на лѣстницѣ шаги хозяйки, онѣ ложились на свои подушки и помахивали хвостиками, какъ будто ничего не случилось. Госпожа Ахавци страшно сердилась за такое опустошеніе въ своихъ комнатахъ, и все сваливала на Мука. Какъ тотъ ни доказывалъ свою невинность, она больше вѣрила кошкамъ, чѣмъ слугѣ.

Маленькій Мукъ очень былъ огорченъ, что здѣсь опять не нашелъ счастья, и рѣшилъ бросить службу у госпожи Ахавци. Но уже въ теченіе перваго своего путешествія онъ испыталъ, какъ плохо живется безъ денегъ, поэтому теперь, во что бы то ни стало, рѣшилъ получить со своей хозяйки вознагражденіе, которое она постоянно обѣщала, но все не давала. Въ домѣ госпожи Ахавци была одна комната. Она всегда была заперта, и онъ въ нее никогда не заглядывалъ. Но онъ часто слыхалъ, какъ госпожа

Ахавци тамъ чѣмъ-то гремѣла, и ему очень хотѣлось знать, что она тамъ прятала. А теперь, когда онъ задумался о средствахъ для путешествія, ему пришло въ голову, не спрятаны-ли тамъ сокровища. Но дверь въ комнату всегда была заперта, потому онъ никогда не могъ добраться до этихъ сокровищъ.

Однажды утромъ, когда госпожа Ахавци ушла изъ дому, одна собачка, которую хозяйка не любила, а Мукъ за разныя услуги, которыя онъ ей оказывалъ, пользовался ея особеннымъ расположеніемъ, дернула его за широкія шаровары и потянула за собой. Мукъ, всегда охотно игравшій съ этой собачкой, послѣдовалъ за ней. И вотъ она привела его въ спальню госпожи Ахавци, къ маленькой двери, которой онъ никогда раньше не замѣчалъ. Дверь была полуоткрыта. Собачка прошла въ нее, и Мукъ послѣдовалъ за ней. И какъ-же пріятно онъ былъ удивленъ, когда увидалъ, что это была та самая комната, о которой онъ такъ долго мечталъ. Онъ посмотрѣлъ, нѣтъ-ли гдѣ денегъ, но ничего не нашелъ. Всюду валялась только старая одежда и посуда причудливой формы. Больше всего привлекъ его вниманіе одинъ хрустальный сосудъ. На немъ были выгравированы разныя фигуры. Мукъ поднялъ его и сталъ поворачивать во всѣ стороны. Но, о ужасъ! онъ не замѣтилъ, что сверху была крышка. Крышка эта упала и разбилась на мелкіе кусочки.

Долго стоялъ Маленькій Мукъ ни живой, ни

мертвый отъ ужаса. Теперь его судьба была рѣшена, теперь онъ долженъ бѣжать, иначе старуха убьетъ его. Онъ рѣшилъ сейчасъ-же пуститься въ путь. Тутъ попались ему на глаза крѣпкія большія туфли; хотя онѣ были некрасивы, но его собственныя туфли не могли бы выдержать путешествія. Да и размѣръ ихъ ему понравился: онъ подумалъ, что если онъ ихъ надѣнетъ, то всякій увидитъ, что онъ вышелъ уже изъ дѣтскаго возраста. Онъ быстро снялъ свои маленькія туфельки и влѣзъ въ большія. Стоявшая въ углу тросточка съ красиво вырѣзанной львиной головой, по его мнѣнію, была здѣсь совершенно лишняя. Онъ взялъ ее себѣ и поспѣшилъ выйти изъ кладовой. Онъ прошелъ въ свою комнату, надѣлъ плащъ, завязалъ отцовскій тюрбанъ, заткнулъ за поясъ кинжалъ и со всѣхъ ногъ пустился вонъ изъ дома, а потомъ и изъ города. И за городомъ, боясь старухи, онъ безъ остановки бѣжалъ, пока совершенно не выбился изъ силъ. Такъ скоро онъ не ходилъ еще никогда въ жизни. Казалось, онъ и остановиться не могъ, какъ будто какая-то невѣдомая сила несла его. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что надѣтыя имъ туфли какія-то удивительныя: онѣ точно сами стремились впередъ и влекли его за собой. Онъ пробовалъ остановиться, но это ему не удавалось. Тогда въ отчаяніи онъ закричалъ на себя, какъ на лошадь: „тпру-у... стой, стой, тпру!“

Туфли тотчасъ остановились, и изнуренный Мукъ упалъ на землю.

Эти туфли ужасно обрадовали его, — всетаки, онъ хоть что-нибудь пріобрѣлъ за свою службу. Онъ надѣялся, что онѣ помогутъ ему искать по свѣту счастье. Несмотря на свою радость, Маленькій Мукъ, изнеможенный, погрузился въ сонъ, потому что тѣло его, носившее тяжелую голову, не могло выдержать такого длиннаго и быстраго перехода. Во снѣ явилась ему собачка, та самая, которая помогла ему достать въ домѣ госпожи Ахавци туфли, и сказала: „Дорогой Мукъ, ты еще хорошенько не знаешь, какъ пользоваться туфлями! Знай-же, если ты, надѣвъ ихъ, повернешься три раза на каблукѣ, то можешь перелетѣть всюду, куда захочешь! А съ палочкой ты можешь находить клады: гдѣ золото зарыто, тамъ она стукнетъ три раза, а гдѣ серебро—два“.

Такъ снилось Маленькому Муку. Проснувшись, онъ задумался надъ этимъ удивительнымъ сномъ и рѣшилъ сейчасъ-же сдѣлать опытъ. Онъ надѣлъ туфли, сталъ на одну ногу и началъ вращаться на каблукѣ. Но кто хоть разъ пробовалъ въ необыкновенно большихъ туфляхъ продѣлать такую штуку, тотъ не удивится, что Маленькому Муку это не сразу удалось, въ особенности, если принять во вниманіе, что тяжелая голова перетягивала его то въ ту, то въ другую сторону.

Бѣдный мальчикъ нѣсколько разъ падалъ, изрядно разбивалъ носъ, но, всетаки, не унывалъ, снова повторялъ опытъ, и наконецъ, ему удалось перевернуться. Приэтомъ онъ пожелалъ попасть въ

ближайшій большой городъ и.. туфли, поднявшись на воздухъ, съ быстротою вѣтра понеслись черезъ облака. Не успѣлъ Маленькій Мукъ опомниться, какъ очутился на громадной городской площади, застроенной множествомъ лавокъ. Безчисленное множество народу суетливо сновало взадъ и впередъ, Мукъ походилъ въ толпѣ, но потомъ счелъ за лучшее перейти въ менѣе многолюдныя улицы. Въ толпѣ ему наступали на туфли, такъ что онъ нѣсколько разъ чуть не свалился, и онъ самъ толкалъ не разъ прохожихъ своимъ длиннымъ кинжаломъ. Его едва не поколотили за это. Теперь Маленькій Мукъ серьезно задумался, за что ему взяться, чтобы заработать хоть немного денегъ. Правда, у него была палочка, которая указывала на зарытые клады, но гдѣ-же найти такія мѣста, гдѣ бы было зарыто серебро или золото. Въ случаѣ нужды онъ также могъ бы показывать себя за деньги, но для этого онъ былъ слишкомъ гордъ. Наконецъ, онъ подумалъ о своихъ туфляхъ.

— Можетъ быть, — размышлялъ онъ, — туфли могли бы доставить мнѣ пропитаніе.—И онъ рѣшилъ сдѣлаться скороходомъ: король этого города дороже всѣхъ заплатитъ ему за подобную службу.

Онъ спросилъ, гдѣ королевскій дворецъ. У воротъ дворца стоялъ часовой, на вопросъ его Мукъ сказалъ, что желаетъ поступить во дворецъ на службу, и часовой послалъ его къ надзирателю за слугами. Изложивъ надзирателю свое дѣло, Мукъ просилъ дать ему мѣсто королевскаго курьера. Над-

зиратель смѣрилъ карлика глазами съ ногъ до головы и сказалъ:

— Какъ ты съ такими коротенькими ногами хочешь быть королевскимъ скороходомъ? Убирайся вонъ, мнѣ некогда шутить.

Но Маленькій Мукъ увѣрялъ его, что предложеніе его совершенно серьезно, и что онъ готовъ побиться объ закладъ, что не отстанетъ отъ самаго быстроногаго скорохода. Надзирателю это показалось забавнымъ. Онъ приказалъ ему приготовиться къ состязанію, а пока провелъ его въ кухню и распорядился, чтобы его вдоволь напоили и накормили. Самъ-же онъ отправился къ королю и сообщилъ ему о карликѣ и объ его предложеніи. Король былъ человѣкъ веселый, ему очень понравилось, что надзиратель надъ слугами ради шутки задержалъ Маленькаго Мука. Онъ приказалъ устроить позади замка на большой лужайкѣ подмостки, чтобы всѣ придворные съ удобствомъ могли любоваться состязаніемъ въ бѣгѣ, а, кромѣ того, приказалъ позаботиться о карликѣ. Король разсказалъ принцамъ и принцессамъ, какое развлеченіе предстоитъ имъ въ этотъ вечеръ. А тѣ, въ свою очередь, разсказали это слугамъ, и когда наступилъ вечеръ, всѣ, у кого только были ноги, въ нетерпѣливомъ ожиданьи устремились на лужайку, гдѣ были устроены подмостки, чтобы лучше можно было увидать, какъ побѣжитъ карликъ.

Когда король съ сыновьями и дочерьми усѣлся на подмосткахъ, на лужайку вышелъ Маленькій Мукъ

и граціозно поклонился знатнымъ особамъ. При видѣ малютки раздались всеобщіе крики восторга: подобной фигуры здѣсь еще никогда не видали. Маленькое тѣло съ огромной головой, плащъ и широкія шаровары, длинный кинжалъ за широкимъ поясомъ, маленькія ножки и громадныя туфли—нѣтъ, это было слишкомъ смѣшно!.. Надъ этимъ нельзя было не хохотать!.. Но смѣхъ не смутилъ и не сбилъ съ толку Маленькаго Мука. Опершись на свою палку, онъ гордо выжидалъ появленіе противника. По желанію Мука надзиратель надъ слугами отыскалъ самаго лучшаго скорохода. Тотъ вышелъ, сталъ рядомъ съ Мукомъ, и оба стали ждать условнаго знака. Принцесса Амарца, какъ было условлено, махнула своимъ покрываломъ, и оба соперника полетѣли по лужайкѣ, точно двѣ стрѣлы, пущенныя въ одну цѣль.

Сначала противникъ Мука оказался значительно впереди, но тотъ погнался за нимъ на своихъ туфляхъ, перегналъ его и давно уже стоялъ у цѣли, когда скороходъ, тяжело отдуваясь, подбѣгалъ къ ней. Зрители на нѣсколько минутъ онѣмѣли отъ удивленія и восторга. Когда же король первый началъ апплодировать, вся толпа всколыхнулась и всѣ закричали: „Да здравствуетъ Маленькій Мукъ, побѣдитель въ бѣгахъ!“

Маленькаго Мука привели къ королю, онъ сталъ на колѣни и сказалъ:

— Державный король, я показалъ здѣсь только ничтожный образчикъ моего искусства! Возьми-же меня въ число твоихъ курьеровъ!

Но король отвѣтилъ ему:—Нѣтъ, я тебя дѣлаю моимъ придворнымъ скороходомъ, и ты будешь всегда находиться при моей особѣ; жалованья тебѣ сто золотыхъ въ годъ, а ѣсть ты будешь за однимъ столомъ съ моими лучшими слугами!

Мукъ обрадовался и воспрянулъ духомъ. Онъ подумалъ, что наконецъ-то нашелъ онъ то счастье,

... Зрители на нѣсколько минутъ онѣмѣли отъ удивленія...

которое такъ долго искалъ. Радъ онъ былъ также и особенной милости короля, который поручалъ ему самыя спѣшныя и секретныя посланія, и Мукъ выполнялъ ихъ съ величайшей точностью и непонятной быстротой.

Но остальные слуги короля не взлюбили его. Имъ досадно было, что они лишились милости своего господина изъ-за какого-то карлика, совершеннѣйшаго невѣжды, единственное искусство котораго заключалось въ быстромъ бѣгѣ. Они устраивали разные заговоры, чтобы смѣстить его, но ничто не могло подорвать того огромнаго довѣрія, которое питалъ король къ своему первому придворному скороходу.

Мукъ не могъ не замѣчать злобы придворныхъ, но и не мстилъ имъ за это. Напротивъ, онъ долго придумывалъ, какъ бы сдѣлаться полезнымъ своимъ врагамъ и заставить ихъ полюбить себя. Тогда онъ вспомнилъ палочку, которую въ счастьи своемъ оставлялъ безъ вниманія.

— Если бы найти кладъ,—подумалъ онъ,—всѣ сдѣлались бы ко мнѣ добры.

Не разъ онъ здѣсь слыхалъ, что отецъ теперешняго короля, при нападеніи непріятелей на его страну, много сокровищъ зарылъ въ землю. Говорили также, что онъ умеръ, не успѣвъ сообщить своей тайны сыну. И Мукъ, куда бы ни пошелъ, всегда сталъ брать съ собой палочку, надѣясь попасть когда-нибудь на то мѣсто, гдѣ были зарыты деньги стараго короля. Однажды вечеромъ онъ случайно попалъ въ самую отдаленную часть дворцоваго сада, куда рѣдко кто заходилъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что палочка задвигалась въ его рукѣ и трижды стукнула по землѣ. Онъ зналъ, что это

значитъ. Вытащивъ свой кинжалъ, онъ сдѣлалъ знакъ на деревьяхъ и тихонько прокрался опять во дворецъ. Здѣсь онъ добылъ себѣ лопатку и выждалъ наступленія ночи.

Откопать кладъ оказалось для Маленькаго Мука гораздо труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. Его руки были слишкомъ слабы, а лопатка слишкомъ велика и тяжела; часа два поработалъ онъ, а больше двухъ футовъ не выкопалъ. Наконецъ, лопата ударилась о что-то твердое, зазвенѣвшее, какъ желѣзо. Онъ напрягъ всѣ свои силы и скоро увидѣлъ большую желѣзную крышку. Спустившись въ яму, онъ съ трудомъ приподнялъ крышку и нашелъ подъ нею громадный горшокъ, полный золота. Но своими слабыми руками онъ не могъ поднять горшка. Тогда онъ наполнилъ золотомъ карманы, поясъ, даже въ плащъ насыпалъ золота, сколько могъ донести, а остальное тщательно прикрылъ и засыпалъ землею. Но и взятое имъ золото было такъ тяжело, что безъ туфель онъ не могъ бы сдвинуться съ мѣста. Незамѣченный никѣмъ онъ пробрался въ свою комнату и спряталъ золото подъ подушками дивана.

Увидавъ себя владѣльцемъ такого огромнаго количества золота, Маленькій Мукъ подумалъ, что теперь обстоятельства измѣнятся, и онъ пріобрѣтетъ себѣ друзей и покровителей между прежними врагами при дворѣ. Но уже по одному этому можно догадаться, что добрый Мукъ получилъ не очень-то хорошее воспитаніе, иначе онъ и не воображалъ бы, что золотомъ можно пріобрѣсти истинныхъ друзей. Ахъ! надѣть бы ему тогда свои туфли и бѣжать бы подальше.

Съ этого дня Маленькій Мукъ сталъ щедрою рукою раздавать золото, и это еще больше возбудило зависть къ нему всѣхъ придворныхъ. Поваръ Агули говорилъ: „Онъ дѣлаетъ фальшивыя деньги!“ А казначей Архацъ, самый злой его врагъ, который, вѣроятно, самъ не прочь былъ иногда поживиться на счетъ королевской кассы, прямо заявилъ: „Онъ укралъ!“

И они составили противъ Маленькаго Мука заговоръ. Однажды главный табачникъ притворился передъ королемъ очень грустнымъ и огорченнымъ. Онъ такъ искусно дѣлалъ печальныя гримасы, что король спросилъ о причинѣ его грусти.

— Ахъ!—отвѣтилъ тотъ,—меня огорчаетъ то, что я лишился милости короля моего!

— Что ты выдумываешь, другъ Корхунъ?—возразилъ король.—Съ какихъ это поръ солнце моей милости не освѣщаетъ тебя?

Главный табачникъ отвѣтилъ, что король награждаетъ своего главнаго придворнаго скорохода золотомъ, а бѣднымъ вѣрнымъ слугамъ своимъ ничего не даетъ.

Король былъ очень удивленъ этимъ заявленіемъ. Онъ потребовалъ, чтобы ему разсказали о томъ, какъ Маленькій Мукъ раздаетъ деньги. И заговорщикамъ легко было внушить королю подозрѣніе, что Мукъ воруетъ изъ казначейства деньги.

Такой оборотъ дѣла особенно понравился казна-

чею, который и безъ того не очень охотно отдавалъ отчетъ въ расходахъ. Король приказалъ тайно слѣдить за каждымъ шагомъ Маленькаго Мука, чтобы, по возможности, накрыть его на самомъ мѣстѣ преступленія. И вотъ на слѣдующую послѣ этого несчастнаго дня ночь Маленькій Мукъ, замѣтивъ, что касса его истощилась, взялъ лопатку и прокрался въ дворцовый садъ, чтобы сдѣлать новые запасы изъ своего таинственнаго клада. А за нимъ слѣдовала стража подъ предводительствомъ повара Агули и казначея Архаца. И только что онъ собрался перекладывать деньги изъ горшка въ свой плащъ, какъ они наскочили на него, связали и повели къ королю. Король и безъ того былъ не въ духѣ, такъ какъ прервали его сонъ. Онъ очень немилостиво принялъ бѣднаго главнаго скорохода и тотчасъ-же началъ его допрашивать. Горшокъ совсѣмъ вырыли изъ земли и, вмѣстѣ съ лопатой и съ плащемъ, принесли къ ногамъ короля. Казначей сказалъ, что онъ со стражей засталъ Мука врасплохъ, когда тотъ закапывалъ этотъ горшокъ съ золотомъ въ землю.

Король спросилъ у обвиняемаго, правда-ли это, и гдѣ онъ взялъ золото, которое хотѣлъ зарывать.

Маленькій Мукъ, въ сознаніи своей невиновности, разсказалъ, что онъ горшокъ этотъ нашелъ въ саду, что онъ хотѣлъ не закапывать, а выкапывать его.

Всѣ присутствующіе громко расхохотались на такое оправданіе, а король, разгнѣванный мнимымъ нахальствомъ карлика, воскликнулъ:

— Какъ, несчастный! Обокравъ своего короля, ты хочешь еще его такъ глупо и нагло обмануть! Казначей Архацъ, я требую, скажи, такой-ли именно суммы золота не достаетъ въ моей кассѣ?

И казначей отвѣтилъ, что онъ совершенно увѣренъ, что съ нѣкотораго времени въ королевской казнѣ имено столько и даже много больше недостаетъ золота и онъ готовъ поклясться, что все это укралъ Мукъ.

Тогда король приказалъ заковать Маленькаго Мука въ крѣпкія оковы и отвести его въ башню, а золото отдалъ казначею, чтобы пополнить кассу.

Довольный счастливымъ исходомъ казначей ушелъ и принялся пересчитывать дома блестящіе золотые. Злой человѣкъ никому потомъ не разсказывалъ, что въ горшкѣ онъ нашелъ записочку, на которой было написано:

— На мою страну напалъ непріятель, потому я прячу здѣсь часть своихъ сокровищъ; кто найдетъ ихъ и не отдастъ моему сыну, тотъ будетъ проклятъ.

Король Сади.

Въ грустномъ раздумьи сидѣлъ Маленькій Мукъ въ своей тюрьмѣ. Онъ зналъ, что за воровство королевскихъ сокровищъ полагается смерть, а, всетаки, не хотѣлъ открыть королю своей тайны относительно палочки,—онъ боялся, что тогда у него отнимутъ и ее, и туфли. Къ сожалѣнію туфли не могли помочь ему теперь. Крѣпко прикованный цѣпями

къ стѣнѣ, сколько онъ ни старался, онъ не могъ повернуться на каблукѣ. Когда-же на другой день объявили ему смертный приговоръ, онъ подумалъ, что, всетаки, лучше жить безъ волшебной палочки, чѣмъ съ нею умереть. Выпросивъ себѣ секретное свиданіе съ королемъ, онъ открылъ ему тайну. Король сначала не вѣрилъ его признанію, но Маленькій Мукъ обѣщалъ доказать свои слова на дѣлѣ, если только король прикажетъ отмѣнить казнь. Король согласился на это, распорядился закопать въ землю немного золота такъ, чтобы Мукъ не видалъ, и приказалъ ему искать съ помощью своей палочки. Тотъ черезъ нѣсколько минутъ нашелъ, потому что палочка совершенно отчетливо стукнула три раза. Король увидѣлъ, что казначей обманулъ его и, по восточному обычаю, послалъ ему шелковый шнурокъ, чтобы тотъ на немъ удавился. А Маленькому Муку онъ сказалъ:

— Правда, я обѣщалъ даровать тебѣ жизнь, но, мнѣ кажется, что у тебя есть еще какая-то тайна, кромѣ этой палочки; поэтому ты останешься въ вѣчномъ заключеніи, если не признаешься, отчего ты такъ быстро бѣгаешь.

Но одна ночь, проведенная въ башнѣ, отбила всякую охоту у Маленькаго Мука оставаться дольше въ заключеніи. Онъ признался, что все искусство его заключается въ туфляхъ, только не открылъ королю секрета, что нужно три раза повернуться на каблукѣ. Король самъ сталъ въ туфли, чтобы попробовать ихъ дѣйствіе, и какъ сумасшедшій по-

скакалъ кругомъ по саду; ему давно уже хотѣлось остановиться, но онъ не зналъ, какъ заставить туфли стоять на мѣстѣ. А Маленькій Мукъ не могъ отказать себѣ въ этой невинной мести и предоставилъ ему бѣгать до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ безъ чувствъ.

Придя въ себя, король страшно разгнѣвался на Маленькаго Мука за то, что тотъ заставилъ его такъ долго бѣгать.

— Я обѣщалъ тебѣ даровать жизнь и свободу, но ты долженъ покинуть мое царство въ теченіе двѣнадцати часовъ, иначе я прикажу опять заковать тебя.

Туфли же и палочку онъ приказалъ положить въ свою кладовую.

И вновь, какъ и раньше, бѣднякомъ выходилъ Маленькій Мукъ за городъ. Онъ проклиналъ свои глупыя мечты о важной должности при дворѣ. Къ счастью, страна, изъ которой онъ былъ изгнанъ, была невелика. Черезъ восемь часовъ онъ уже былъ на границѣ, хотя ему, привыкшему къ милымъ туфлямъ, ходить теперь казалось очень трудно.

Перейдя границу, онъ свернулъ съ дороги и пошелъ искать самую непроходимую глушь лѣсовъ. Онъ хотѣлъ поселиться вдали отъ людей, такъ онъ ихъ возненавидѣлъ. Въ лѣсной чащѣ онъ нашелъ мѣстечко, показавшееся ему самымъ удобнымъ для отшельнической жизни. Его манилъ свѣтлый ручеекъ, окруженный громадными, тѣнистыми фиговыми деревьями, мягкая травка. Онъ бросился здѣсь на землю съ твердымъ рѣшеніемъ ничего не ѣсть и ждать смерти.

Въ грустныхъ размышленіяхъ о смерти онъ заснулъ; когда-же проснулся, и голодъ сталъ его мучить, онъ подумалъ, что голодная смерть—самая ужасная участь, и поглядѣлъ вокругъ, нѣтъ ли чего-нибудь поѣсть.

На деревѣ, подъ которымъ онъ спалъ, висѣли прелестныя спѣлыя винныя ягоды. Онъ влѣзъ на него, сорвалъ нѣсколько ягодъ, съ большимъ аппетитомъ съѣлъ ихъ и пошелъ къ ручью напиться. Но каковъ-же былъ его ужасъ, когда въ водѣ онъ увидалъ свою голову, украшенную громадными ушами и толстымъ длиннымъ носомъ. Онъ схватился въ испугѣ руками за уши и, дѣйствительно, они у него вытянулись съ полъ-аршина длиною.

— Я заслужилъ ослиныя уши!—закричалъ онъ.—Я, какъ оселъ, счастье свое попиралъ ногами.

Онъ побродилъ еще по лѣсу и, проголодавшись опять, долженъ былъ еще разъ прибѣгнуть къ виннымъ ягодамъ, потому что ничего съѣдобнаго больше не нашелъ на деревьяхъ. Когда же, за второй порціей винныхъ ягодъ, онъ вздумалъ попробовать, помѣстятся-ли его уши подъ большимъ тюрбаномъ, онъ почувствовалъ, что огромныя уши его исчезли. Онъ бросился къ ручью, чтобы убѣдиться въ этомъ. И, дѣйствительно, уши у него были опять обыкновенныя, и длинный безформенный носъ тоже исчезъ. Теперь онъ понялъ, какъ все это произошло: отъ плодовъ съ перваго фиговаго дерева у него сдѣлались длинныя уши и толстый носъ. Отъ плодовъ съ другого дерева они снова приняли свой прежній видъ. Онъ обрадовался тому, что добрая судьба еще

разъ даетъ ему средство быть счастливымъ. Онъ нарвалъ плодовъ съ обоихъ деревьевъ столько, сколько могъ унести съ собою и вернулся обратно въ страну, которую онъ только что покинулъ. Въ первомъ городѣ онъ переодѣлся, сдѣлался совершенно неузнаваемымъ и направился къ тому городу, гдѣ жилъ король.

Это было какъ разъ такое время года, когда спѣлые плоды были еще рѣдки. Маленькій Мукъ сѣлъ у воротъ дворца, такъ какъ онъ зналъ, что поваръ всегда покупаетъ здѣсь рѣдкости для королевскаго стола. Недолго посидѣвъ, Мукъ увидѣлъ шедшаго по двору повара. Осматривая товары у продавцовъ, поваръ замѣтилъ, наконецъ, корзинку Маленькаго Мука.

— А! вотъ прекрасные плоды! — сказалъ онъ:— это навѣрно понравится его величеству. Сколько хочешь за всю корзинку?

Мукъ назначилъ умѣренную цѣну, и они сторговались. Поваръ передалъ корзинку слугѣ и пошелъ дальше, а Маленькій Мукъ тотчасъ обратился въ бѣгство. Онъ боялся, что если несчастье случится съ головами придворныхъ, его могутъ, какъ продавца, разыскать и наказать.

За столомъ король былъ очень веселъ, нѣсколько разъ хвалилъ повара за хорошую кухню и за ту заботливость, съ какой онъ всегда разыскивалъ для него самыя рѣдкія вещи. Поваръ-же, зная, какой лакомый кусочекъ у него есть еще въ запасѣ, только хитро улыбался и говорилъ отдѣльныя фразы:

„Добрый конецъ всему дѣлу вѣнецъ!“—„Дай прежде кончить, а потомъ похвали!“ Принцессы очень заинтересовались, что такое онъ имъ еще подастъ. Но когда онъ поставилъ на столъ прекрасныя, спѣлыя винныя ягоды, у присутствующихъ вырвалось всеобщее „ахъ!“

— О, какія спѣлыя! Какія аппетитныя!—воскликнулъ король.—Ну, поваръ, ты замѣчательный человѣкъ и заслуживаешь нашей особенной милости!

Король былъ большимъ любителемъ подобныхъ лакомствъ. Онъ собственноручно раздѣлилъ винныя ягоды между присутствующими. Каждый принцъ и каждая принцесса получили по двѣ, придворныя дамы, визири и аги по одной, остальныя онъ оставилъ себѣ и съ большимъ наслажденіемъ принялся за нихъ.

— Но, Боже мой, какой у тебя странный видъ, отецъ!—воскликнула вдругъ принцесса Аморца. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на короля: по сторонамъ головы у него висѣли огромныя уши, а на лицѣ вытянулся длинный носъ. Съ ужасомъ посмотрѣли они потомъ другъ на друга: головы всѣхъ ихъ были украшены болѣе или менѣе странными придатками.

Можно себѣ представить отчаяніе двора! Сейчасъ послали за всѣми докторами въ городѣ. Тѣ наѣхали толпами, прописывали пилюли, микстуры, а безобразные носы и уши все не пропадали. Одному изъ принцевъ сдѣлали операцію, но уши опять выросли.

Мукъ изъ того убѣжища, гдѣ онъ скрывался, слышалъ всю эту исторію и рѣшилъ, что теперь

пора дѣйствовать. Еще раньше на деньги, полученныя за ягоды, онъ купилъ себѣ одежду, въ которой могъ выдать себя за ученаго; длинная борода изъ козьей шерсти сдѣлала его совершенно неузнаваемымъ. Съ полнымъ мѣшкомъ винныхъ ягодъ пошелъ онъ во дворецъ и, въ качествѣ иностраннаго врача, предложилъ свою помощь. Сначала къ нему отнеслись недовѣрчиво. Но когда Маленькій Мукъ далъ одному принцу винную ягоду, и уши и носъ его приняли прежній видъ, всѣ пожелали лѣчиться у чудеснаго доктора. Король молча взялъ его за руку и провелъ въ свою комнату. Тамъ онъ открылъ дверь въ кладовую и знакомъ пригласилъ Мука слѣдовать за собою.

— Вотъ мои сокровища,—сказалъ король:—выбирай себѣ все, что пожелаешь,—все это будетъ твое, если только ты избавишь меня отъ этого позорнаго недуга.

Чудной музыкой прозвучали эти слова въ ушахъ Маленькаго Мука. Какъ только онъ вошелъ, то увидалъ на полу свои туфли; рядомъ съ ними лежала палка. Какъ будто желая полюбоваться сокровищами короля, онъ медленно прошелся по кладовой, но, подойдя къ своимъ туфлямъ, онъ быстро сунулъ въ нихъ ноги, схватилъ палочку, сорвалъ свою фальшивую бороду и предсталъ передъ удивленнымъ королемъ въ образѣ хорошо знакомаго ему, изгнаннаго Мука.

— Вѣроломный король,—сказалъ Мукъ,—неблагодарностью награждающій своихъ вѣрныхъ слугъ!

Уродство свое ты долженъ принять, какъ заслуженное наказаніе! Я оставляю тебѣ уши на память о Маленькомъ Мукѣ.

Проговоривъ такъ, онъ быстро перевернулся на каблукѣ, и не успѣлъ король позвать на помощь, какъ Маленькій Мукъ исчезъ.

Съ тѣхъ поръ Маленькій Мукъ живетъ здѣсь въ большомъ довольствѣ, но совершенно одиноко, потому что ненавидитъ людей. Онъ сдѣлался мудрымъ человѣкомъ и, несмотря на странную наружность, заслуживаетъ больше удивленія, чѣмъ насмѣшекъ.

Вотъ что разсказалъ мнѣ отецъ. Я искренно раскаялся въ грубомъ обращеніи съ мудрымъ человѣкомъ, и отецъ простилъ мнѣ другую половину назначеннаго наказанія. Послѣ этого я разсказалъ чудесную судьбу карлика своимъ товарищамъ. Всѣ мы его полюбили, и никто больше уже не насмѣхался надъ нимъ.

фффффффффффффффффффффффффффффффф

Судьба Саида.

Во времена Гаруна-аль-Рашида, повелителя Багдада, въ Бальзорѣ жилъ одинъ человѣкъ, по имени Бенецаръ. Онъ былъ очень богатъ, жилъ спокойно и беззаботно, не занимаясь ни торговлей, ни другими какими-либо дѣлами. Не измѣнилъ онъ своего образа жизни даже и тогда, когда родился у него сынъ Саидъ.

— Зачѣмъ мнѣ на старости торговать и барышничать,—говорилъ онъ своему сосѣду,—по пословицѣ, гдѣ на двоихъ хватаетъ, тамъ и третій будетъ сытъ!.. Нужды сынъ мой не увидитъ,—лишь бы изъ него вышелъ хорошій человѣкъ!

Такъ разсуждалъ Бенецаръ и поступалъ согласно своимъ убѣжденіямъ. Своего сына онъ не подготовилъ ни къ какому дѣлу. Читалъ лишь съ нимъ книги Премудрости Соломона.

— Мудрость, почтеніе къ старшимъ,—такъ ду-

малъ Бенецаръ,—больше всего украшаютъ человѣка, но его украшаютъ еще мужество и ловкость.

Поэтому съ раннихъ лѣтъ онъ принялся обучать своего сына искусству владѣть оружіемъ. Саидъ вскорѣ оказалъ въ этихъ искусствахъ большіе успѣхи. Онъ прослылъ самымъ ловкимъ борцомъ не только между своими сверстниками, но и между взрослыми. Въ верховой-же ѣздѣ и въ плаваньи ему соперниковъ не было.

Когда исполнилось Саиду восемнадцать лѣтъ, отецъ послалъ его въ Мекку ко гробу пророка, чтобы тамъ съ молитвой преклониться и выполнить религіозные обряды, какъ требовалъ того магометанскій законъ и обычай. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ призвалъ къ себѣ сына, похвалилъ его за хорошее поведеніе, далъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, снабдилъ деньгами и, наконецъ, обратился съ такою рѣчью:

— Вотъ что еще, сынъ мой Саидъ! Я стою выше суевѣрій простого народа. Правда, я охотно слушаю разсказы о волшебникахъ и чародѣяхъ,—за ними пріятно проходитъ время,—но далекъ отъ того, чтобы вѣрить, будто эти духи, или кто-бы они тамъ ни были, могутъ вліять на жизнь и дѣла человѣка. Мать-же твоя—она уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ умерла,—вѣрила въ нихъ, какъ въ букву Корана. И вотъ, однажды въ откровенную минуту, взявъ предварительно съ меня клятву никому, кромѣ сына, не разсказывать объ этомъ, она призналась мнѣ, что съ самаго рожденія она находилась въ сношеніяхъ съ одной волшебницей. Я только по-

смѣялся надъ нею. Однако, надо тебѣ признаться, Саидъ, при рожденіи твоемъ происходило нѣчто удивительное. Даже меня это повергло въ недоумѣніе. Съ самаго утра лилъ дождь, гремѣлъ громъ, небо сплошь было покрыто тучами, такъ что безъ огня невозможно было читать. Въ четыре часа пополудни пришли мнѣ сказать, что у меня родился сынъ. Я поспѣшилъ въ комнату твоей матери, чтобы посмотрѣть и благословить своего первенца. У дверей комнаты стояла вся прислуга. На мои вопросы отвѣтили, что Цимира, мать твоя, приказала всѣмъ выйти и никого не велѣла впускать къ себѣ,—она хотѣла остаться одна. Я постучалъ въ дверь, но напрасно. Дверь оставалась запертою, и оттуда не слышно было ни звука.

Я съ неудовольствіемъ остался стоять передъ дверью въ толпѣ прислуги. И вдругъ, къ нашему удивленію, небесный сводъ прояснился. И удивительнѣй всего было то, что небо казалось чистымъ и лазурнымъ только надъ нашимъ дорогимъ городомъ Бальзорою, кругомъ-же вездѣ висѣли черныя грозныя тучи, сверкала молнія, бушевалъ вихрь. Я съ любопытствомъ наблюдалъ это явленіе, когда дверь въ комнату супруги моей отворилась; приказавъ прислугѣ подождать у дверей, я вошелъ одинъ въ комнату, чтобы разспросить твою мать, почему она заперлась. При входѣ на меня пахнуло такимъ сильнымъ запахомъ розъ, гвоздики и гіацинтовъ, что мнѣ едва не сдѣлалось дурно. Мать твоя поднесла мнѣ тебя и указала при этомъ на серебряный сви-

стокъ, висѣвшій у тебя на шеѣ, привѣшенный къ золотой, тонкой, какъ шелкъ, цѣпочкѣ.

— Здѣсь была та добрая женщина, о которой я тебѣ однажды разсказывала,—сказала твоя мать:— она подарила твоему мальчику этотъ свистокъ.

— Ужъ не волшебница ли эта сдѣлала такую чудную погоду и оставила послѣ себя такой ароматъ гвоздики и розъ?—сказалъ я съ насмѣшкой и недовѣріемъ.—Получше подарка она не могла придумать? Подарила бы кошелекъ съ деньгами, коня или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Твоя мать умоляла меня не насмѣхаться, потому что волшебницы легко сердятся и благословеніе превращаютъ въ проклятіе.

Тогда, чтобы ее успокоить, я замолчалъ, потому что она была больна. А потомъ объ этомъ приключеніи мы не говорили цѣлыхъ шесть лѣтъ, до того дня, когда ей суждено было умереть. Чувствуя, что ея часъ насталъ, она передала мнѣ свистокъ и приказала вручить его тебѣ, когда тебѣ исполнится ровно двадцать лѣтъ. При этомъ она прибавила, что ни однимъ часомъ раньше этого я не долженъ тебя отпускать отъ себя. Она умерла во цвѣтѣ лѣтъ...

Вотъ этотъ подарокъ,—продолжалъ Бенецаръ, вытаскивая изъ шкатулки свистокъ на длинной золотой цѣпочкѣ;—я вручаю его тебѣ, хотя тебѣ исполнилось только восемнадцать лѣтъ, а не двадцать, потому что ты уѣзжаешь, и я, быть можетъ, не дождавшись твоего возвращенія, отправлюсь къ своимъ предкамъ. Я не вижу никакихъ разумныхъ причинъ

оставлять тебя при себѣ еще два года, какъ желала этого твоя заботливая мать. Ты добродѣтеленъ и уменъ, оружіемъ умѣешь владѣть не хуже двадцати-четырехъ-лѣтняго юноши, а потому я сегодня же могу объявить тебя совершеннолѣтнимъ, все равно, какъ если бы тебѣ исполнилось уже двадцать лѣтъ. Ступай себѣ съ миромъ, и въ счастьи, и въ несчастьи, — отъ чего да сохранитъ тебя небо, — вспоминай о своемъ отцѣ.

Такъ говорилъ Бенецаръ изъ Бальзоры, отпуская въ путь своего сына.

Растроганный Саидъ попрощался съ отцомъ, повѣсилъ цѣпочку на шею, засунулъ свистокъ за поясъ, вскочилъ на коня и поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ собирался караванъ въ Мекку. Скоро набралось тамъ около восьмидесяти верблюдовъ и нѣсколько сотъ всадниковъ; караванъ двинулся, и Саидъ выѣхалъ за ворота своего роднаго города Бальзоры, который долго не суждено ему было увидать.

Новизна путешествія и множество никогда невиданныхъ предметовъ сначала развлекали его. Но когда караванъ приблизился къ пустынѣ, и окрестности становились все болѣе однообразными, Саида стали осаждать разныя мысли. Вспоминались ему, между прочимъ, и тѣ слова, съ которыми провожалъ его въ путь отецъ.

Онъ вытащилъ свистокъ, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, взялъ, наконецъ, въ губы и попробовалъ свиснуть; но, увы! свистокъ не издавалъ никакого звука. И сколько ни раздувалъ Саидъ щекъ, какъ

ни старался дуть изо всѣхъ силъ,—ничего не выходило! Негодуя на безполезный предметъ, онъ сунулъ свистокъ опять за поясъ. Скоро, однако, всѣ мысли его вновь сосредоточились на таинственныхъ словахъ матери. Онъ много слыхалъ о волшебницахъ, но никогда не зналъ, чтобы кто-нибудь изъ обитателей Бальзоры находился въ сношеніяхъ съ сверхъестественными существами. Въ разсказахъ о волшебницахъ всегда говорилось о далекихъ странахъ, давнопрошедшихъ временахъ, а потому онъ думалъ, что въ наши дни ничего подобнаго не существуетъ, или что волшебницы перестали посѣщать людей и не принимали больше участія въ ихъ судьбѣ.

Хотя онъ и думалъ такъ, однако онъ почему-то готовъ былъ повѣрить, что въ жизни его матери произошло какое-то таинственное, сверхъестественное происшествіе. Весь день онъ, точно во снѣ, сидѣлъ на своемъ конѣ, не слушая пѣсенъ и смѣха остальныхъ путешественниковъ, ни ихъ разговоровъ.

Саидъ былъ очень красивый юноша. Взглядъ его былъ смѣлый, отважный, лицо выразительное и подвижное. Несмотря на молодость, все существо его дышало сознаніемъ собственнаго достоинства, что рѣдко встрѣчается въ его годы, а граціозная твердая посадка его на конѣ, блестящее вооруженіе приковывали къ нему взоры многихъ путешественниковъ. Онъ очень понравился ѣхавшему рядомъ съ нимъ старику, который все время разными разспросами старался втянуть его въ разговоръ. Саидъ, воспитанный въ уваженіи къ старшимъ, отвѣчалъ

... Саидъ очень понравился ѣхавшему съ нимъ рядомъ старику...

скромно, но разсудительно, чѣмъ доставлялъ старику громадное удовольствіе. Такъ какъ мысли молодого человѣка уже цѣлый день были заняты только однимъ предметомъ, то, естественно, разговоръ ихъ скоро перешелъ на царство волшебницъ, и Саидъ, наконецъ, спросилъ старика, вѣритъ-ли онъ въ существованіе фей, добрыхъ и злыхъ духовъ, которые защищаютъ или преслѣдуютъ людей.

Старикъ погладилъ свою бороду, покачалъ головою и сказалъ:

— Нельзя отрицать, что подобные разсказы существуютъ, хотя я до сего дня ни гномовъ, ни духовъ-великановъ, ни волшебниковъ, ни фей не видалъ!

Послѣ этого старикъ разговорился и разсказалъ молодому человѣку такъ много чудесныхъ исторій, что у того голова пошла кругомъ. Въ концѣ концовъ, онъ повѣрилъ, что все, происходившее при его рожденіи,—перемѣна погоды, пріятное благоуханіе розъ и гіацинтовъ было великимъ и счастливымъ предзнаменованіемъ, и что самъ онъ находится подъ особымъ покровительствомъ доброй и могущественной феи, а свистокъ данъ ему для того, чтобы въ минуту опасности онъ могъ призывать ее на помощь.

Всю ночь снились ему волшебные замки, волшебные кони, духи и разныя феи. Казалось, онъ совсѣмъ переселился въ волшебное царство.

Къ сожалѣнію, уже на слѣдующій день онъ долженъ былъ испытать, какъ обманчивы были всѣ его мечты во снѣ и на яву.

Караванъ медленно тянулся по пустынѣ. Было уже за полдень. Саидъ все время держался вблизи своего стараго товарища. Вдругъ на самомъ отдаленномъ концѣ пустыни показалась какая-то темная точка. Одни приняли ее за песчаный холмъ, другіе за облако; третьи—за караванъ. Но старикъ, совершившій уже много путешествій, громко крикнулъ, чтобы всѣ приготовились къ защитѣ, потому что темная точка не что иное, какъ разбойничья шайка арабовъ. Мужчины тотчасъ схватились за оружіе и окружили женщинъ и товаръ. Темная масса медленно двигалась по равнинѣ. Она походила на стаю журавлей, собравшихся летѣть въ далекія страны. Мало по малу движеніе ея ускорялось, и, по мѣрѣ приближенія ея, можно было яснѣй различить людей и копья. Вдругъ всѣ эти люди понеслись съ быстротой вихря и напали на караванъ.

Мужчины защищались отважно, но разбойники, человѣкъ четыреста, окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, многихъ еще издали подстрѣлили изъ луковъ, а потомъ стали колоть копьями. Въ эту ужасную минуту Саидъ, все время бившійся въ числѣ первыхъ, вспомнилъ свой свистокъ, быстро вытащилъ его, взялъ въ ротъ, подулъ и... безнадежно выпустилъ: онъ не издавалъ ни малѣйшаго звука. Взбѣшенный такимъ жестокимъ разочарованіемъ, Саидъ прицѣлился и выстрѣлилъ прямо въ грудь одного араба, отличавшагося пышностью своей одежды. Тотъ зашатался и упалъ съ лошади.

— Аллахъ! Что вы сдѣлали, молодой человѣкъ!— закричалъ около него старикъ.—Теперь мы пропали!

Такъ и вышло. Увидавъ, что подстрѣленный Саидомъ человѣкъ свалился, разбойники подняли ужасный крикъ и съ такой яростью бросились на аттакованныхъ, что тѣ быстро разбѣжались въ разныя стороны. Саидъ въ одно мгновеніе былъ окруженъ нѣсколькими арабами. Онъ такъ ловко защищался копьемъ, что никто не осмѣливался къ нему приблизиться. Наконецъ, одинъ арабъ остановился, натянулъ лукъ, прицѣлился и хотѣлъ уже спустить его, какъ другой сдѣлалъ ему какой-то знакъ. Молодой человѣкъ приготовился къ новому нападенію. Вдругъ одинъ изъ арабовъ совершенно неожиданно накинулъ ему на шею сзади петлю. Какъ ни старался Саидъ оборвать веревку, все было напрасно: петля крѣпче и крѣпче затягивала ему шею. Саидъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Караванъ частью былъ уничтоженъ, частью взятъ въ плѣнъ. Напавшіе на него арабы раздѣлили оставшуюся добычу и плѣнныхъ, и половина ихъ направилась къ югу, а другая—къ востоку. Саида сопровождали четыре вооруженныхъ араба. Они съ злобною ненавистью поглядывали на него и посылали ему проклятья. Онъ догадывался, что убитый имъ человѣкъ былъ, вѣроятно, знатнаго рода, можетъ быть, даже вождь. Плѣнниковъ ожидала участь ужаснѣе смерти—рабство. Поэтому Саидъ радовался теперь, что навлекъ на себя ярость всей шайки; онъ думалъ, что, по прибытіи въ лагерь,

его, навѣрное, убьютъ. Арабы наблюдали за каждымъ его движеніемъ, и когда онъ оглядывался, они угрожали ему своими копьями. Но разъ, когда лошадь одного изъ нихъ споткнулась, онъ быстро повернулъ голову и очень обрадовался, увидавъ старика, бывшаго своего спутника, котораго онъ считалъ убитымъ.

Наконецъ, вдали показались деревья и палатки. Когда арабы съ Саидомъ приблизились къ палаткамъ, навстрѣчу имъ высыпала толпа женщинъ и дѣтей. Но едва они обмѣнялись съ разбойниками нѣсколькими словами, какъ раздался ужасный плачъ и вопль, и всѣ взоры съ угрозами и проклятьями обратились на Саида.

— Онъ,—кричали они,—онъ убійца великаго Альманзора, храбрѣйшаго изъ людей! Смерть ему! Пусть трупъ его сдѣлается добычей шакаловъ въ пустынѣ!

Потомъ они съ такимъ ожесточеніемъ начали бросать въ Саида палками, комками грязи и чѣмъ попало, что разбойники принуждены были вступиться.

— Прочь, мальчишки! прочь, бабы,—кричали они, разгоняя копьями толпу,—онъ убилъ великаго Альманзора въ битвѣ, и умереть долженъ не отъ руки женщины, а отъ меча храбраго воина!

Выйдя на широкую площадь между палатками, они остановились. Плѣнники были связаны попарно, добычу перенесли въ палатки; Саида же заковали отдѣльно и повели въ самую большую палатку.

Тамъ сидѣлъ старикъ въ великолѣпной одеждѣ; по его гордому важному виду можно было догадаться, что онъ глава всей шайки. Люди, приведшіе Саида, предстали предъ нимъ печальные съ поникшими головами.

— Плачъ нашихъ женщинъ уже извѣстилъ меня о случившемся,—сказалъ старецъ, окинувъ взглядомъ разбойниковъ,— на вашихъ лицахъ я читаю подтвержденіе моимъ догадкамъ: Альманзоръ убитъ!

— Альманзоръ палъ,—отвѣчали они,—но, Селимъ, великій властитель пустыни, мы привели съ собой его убійцу. Суди его. Какой смертью онъ долженъ умереть? Разстрѣлять-ли его или прогнать сквозь рядъ копій? Иль, быть можетъ, ты пожелаешь привязать его къ дикимъ лошадямъ, чтобы тѣло его разорвалось на части.

— Кто ты?—спросилъ Селимъ, мрачно взглянувъ на плѣнника. Саидъ смѣло стоялъ передъ нимъ, ожидая спокойно смертнаго приговора: коротко и прямо онъ отвѣтилъ на вопросъ старика.

— Какъ ты убилъ моего сына? Ты напалъ на него сзади и коварно пронзилъ ему спину копьемъ?

— Нѣтъ, господинъ, — возразилъ Саидъ. — Я убилъ его въ открытомъ бою! Онъ напалъ на нашъ отрядъ и на моихъ глазахъ убилъ восьмерыхъ моихъ товарищей.

— Правду-ли онъ говоритъ?—спросилъ Селимъ у людей, которые привели плѣнника.

— Да, государь, онъ убилъ Альманзора въ открытомъ бою,—отвѣтилъ одинъ изъ арабовъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ сдѣлалъ то же, что сдѣлали бы и мы на его мѣстѣ, ни больше ни меньше,—возразилъ Селимъ.—Онъ сражался и убилъ врага, желавшаго лишить его жизни или свободы; снимите-же сейчасъ съ него оковы!

Люди удивленно посмотрѣли на Селима и медленно, съ явной неохотой начали исполнять его приказаніе.

— Итакъ, убійца твоего сына храбраго Альманзора не умретъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ, бросая свирѣпый взглядъ на Саида.—Лучше бы мы его тогда же на мѣстѣ убили!

— Онъ не умретъ!—сказалъ Селимъ,—и я возьму его къ себѣ въ палатку, какъ законную часть добычи; пусть онъ будетъ моимъ рабомъ!

Саидъ не находилъ словъ благодарить старика. Люди, громко выражая неудовольствіе, вышли изъ палатки. Когда же они сообщили рѣшеніе стараго Селима собравшимся и ожидавшимъ казни Саида женщинамъ и дѣтямъ, тѣ подняли ужасный шумъ и крикъ. Онѣ кричали, что сами отомстятъ убійцѣ за смерть Альманзора, если его родной отецъ отказывается отъ кровавой мести.

Остальные плѣнники были подѣлены между разбойниками. Нѣкоторыхъ отпустили, чтобы они передали своимъ, какой долженъ быть внесенъ выкупъ за богатыхъ; другихъ назначили пастухами къ стадамъ. И многіе собственники десятковъ рабовъ принуждены были теперь исполнять самыя грязныя работы въ этомъ лагерѣ. Не то было съ Саидомъ.

Очаровала ли Селима его мужественная, гордая осанка, или дѣйствовали таинственныя чары доброй волшебницы, никто этого не зналъ. Но Саидъ жилъ въ его палаткѣ, и старикъ обращался съ нимъ скорѣе какъ съ сыномъ, чѣмъ съ рабомъ. Такая непонятная благосклонность старика навлекла на молодого человѣка ненависть остальныхъ слугъ. Онъ вездѣ встрѣчалъ враждебные взоры. А когда ему приходилось проходить по лагерю одному, отовсюду на него сыпались ругательства и проклятія; случалось даже, что мимо него пролетали стрѣлы. Но онѣ никогда въ него не попадали, и онъ приписывалъ это таинственному вліянію свистка, который онъ все еще носилъ на груди. Часто жаловался онъ Селиму на эти покушенія, но тотъ напрасно старался разыскать коварныхъ злодѣевъ: казалось, вся шайка заключила союзъ противъ чужеземца, къ которому такъ милостиво относился старикъ. И вотъ однажды Селимъ сказалъ ему:

— Я надѣялся, что ты замѣнишь мнѣ убитаго тобой сына. Но не твоя и не моя вина въ томъ, что этого не вышло. Всѣ ожесточились противъ тебя, и я не въ силахъ дольше защищать тебя. Они могутъ тайкомъ убить тебя. Какая польза будетъ тебѣ или мнѣ, если я и накажу виновныхъ? Когда люди мои возвратятся изъ похода, я объявлю, что твой отецъ прислалъ мнѣ за тебя выкупъ. Я тебѣ дамъ нѣсколько вѣрныхъ спутниковъ, и они проводятъ тебя черезъ пустыню.

— Но могу ли я положиться здѣсь на кого нибудь, кромѣ тебя?—спросилъ испуганный Саидъ.—Они убьютъ меня дорогой.

— Этого не случится; они дадутъ мнѣ клятву, которую никто не посмѣетъ нарушить,—спокойно возразилъ Селимъ.

Черезъ нѣсколько дней возвратились изъ похода арабы, и Селимъ сдержалъ свое слово. Онъ подарилъ молодому человѣку оружіе, одежду и коня, собралъ воиновъ, выбралъ среди нихъ провожатыхъ и заставилъ ихъ поклясться страшною клятвою, что они не убьютъ Саида. Старикъ, рыдая, простился со своимъ плѣнникомъ.

Мрачно и молча ѣхали по пустынѣ пять воиновъ, сопровождавшіе Саида. Молодой человѣкъ видѣлъ, какъ неохотно они исполняли свое порученіе Не мало безпокоило его и то, что свое изъ нихъ были очевидцами убійства Альманзора. Проѣхавъ часовъ восемь, Саидъ замѣтилъ, что провожатые о чемъ-то совѣщаются, и лица ихъ при этомъ сдѣлались еще мрачнѣе, чѣмъ раньше. Онъ старался вслушаться и понять ихъ разговоръ. Говорили они между собой на условномъ языкѣ, но такъ какъ Селимъ обучилъ молодого человѣка этому языку, то онъ понялъ разговоръ провожатыхъ—и то, что онъ услыхалъ, было для него неутѣшительно.

— Вотъ мѣсто,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—гдѣ мы напали на караванъ, и здѣсь палъ храбрѣйшій изъ насъ отъ руки мальчишки.

— Вѣтеръ замелъ слѣды его коня,—продолжалъ другой,—но я не забылъ ихъ.

— И, къ стыду нашему, тотъ, кто поднялъ на него руку, еще живъ и свободенъ! Слыханное ли это дѣло, чтобы отецъ не отомстилъ за смерть своего единственнаго сына? Да, Селимъ состарился и впалъ въ дѣтство.

— А если отецъ не отомстилъ за сына, — сказалъ четвертый,—то друзья должны мстить за друга. Здѣсь, на этомъ-же мѣстѣ мы обязаны его умертвить! Таковъ законъ и обычай древнѣйшихъ временъ.

— Но мы поклялись старику,—закричалъ пятый,—мы не смѣемъ убить его, нельзя нарушить клятвы!

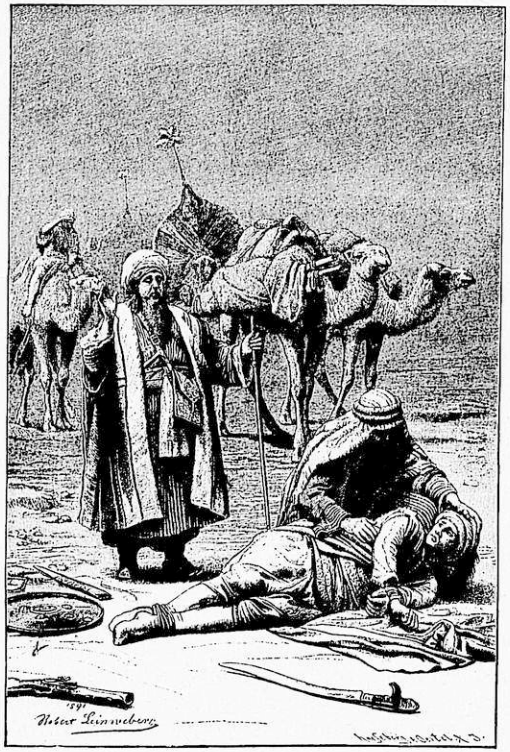
— Это правда,—сказали остальные, — мы дали клятву, и убійца свободно уйдетъ изъ рукъ своихъ враговъ.

— Постойте!—замѣтилъ одинъ изъ нихъ, самый мрачный съ виду.—Старикъ Селимъ умный, однакоже не настолько, какъ это думаютъ про него. Развѣ мы клялись довести этого мальчишку до какого-нибудь опредѣленнаго мѣста. Нѣтъ, онъ взялъ съ насъ клятву не лишать его жизни; хорошо, мы пощадимъ его. Но отомстить за насъ мы поручимъ острымъ зубамъ шакаловъ и могучему солнцу... Свяжемъ его и оставимъ на этомъ самомъ мѣстѣ!

Такъ говорилъ разбойникъ. Но Саидъ уже заранѣе приготовился къ худшему, и когда тотъ договаривалъ послѣднія слова, онъ повернулъ свою лошадь въ сторону, сильно ударилъ ее и съ быстротой птицы полетѣлъ впередъ по равнинѣ. Въ

первую минуту всѣ пятеро остановились въ недоумѣніи. Но потомъ, искусные въ преслѣдованіи добычи, они быстро раздѣлились и помчались по разнымъ направленіямъ. Они лучше знали пустыню, чѣмъ Саидъ, и вскорѣ двое изъ нихъ оказались впереди бѣглеца и поскакали ему навстрѣчу, двое другихъ преградили ему путь съ обѣихъ сторонъ, а пятый остался позади. Они поклялись не убивать его, и это не позволяло имъ пускать въ дѣло оружіе. Но они быстро накинули ему петлю на шею, стащили съ коня, безпощадно избили, связали руки и ноги и положили на раскаленный песокъ пустыни.

Саидъ умолялъ смиловаться надъ нимъ, обѣщалъ имъ большой выкупъ, но они со смѣхомъ вскочили на своихъ коней и ускакали. Нѣсколько минутъ онъ прислушивался еще къ топоту ихъ лошадей, потомъ имъ овладѣло отчаянье. Онъ думалъ объ отцѣ: какое горе будетъ старику, если сынъ не вернется домой! Думалъ онъ и о томъ, какъ тяжело умирать такимъ молодымъ. Онъ долженъ неминуемо погибнуть мучительной смертью среди раскаленныхъ песковъ. Солнце поднималось все выше и выше и все сильнѣе жгло ему голову. Съ величайшимъ трудомъ удалось ему повернуться на другой бокъ, но это мало облегчило его страданія. Вдругъ онъ замѣтилъ выпавшій въ это время изъ-за пояса свистокъ. Послѣ долгихъ усилій ему удалось схватить его. Онъ приложилъ его ко рту—ни звука!.. И въ этой ужасной бѣдѣ свистокъ отказывался помочь ему... Въ отчаяніи онъ опять опустилъ голову на песокъ.



... Наконецъ, Саидъ открылъ глаза...

Пылающіе лучи солнца все сильнѣй накаляли воздухъ. Голова закружилась, потемнѣло въ глазахъ; онъ впалъ въ глубокій обморокъ. Черезъ нѣсколько времени Саидъ очнулся отъ какого-то шума вблизи. Онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за плечи. Крикъ ужаса вырвался изъ его груди,—ему представилось, что это шакалы терзаютъ его. Его схватили за ноги, и онъ убѣдился, что это не когти хищнаго звѣря, а человѣческія руки. Кто-то очень осторожно поворачивалъ его. „Онъ живъ“, слышался шепотъ: „но принимаетъ насъ за враговъ“.

Наконецъ, Саидъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ собою лицо маленькаго, толстенькаго человѣка съ маленькими глазками и длинной бородой. Онъ дружески обратился къ Саиду, помогъ ему встать, предложилъ ему выпить и поѣсть, и пока тотъ приходилъ въ себя, незнакомецъ разсказалъ ему, что онъ багдадскій купецъ, по имени Калумъ-Бекъ, торгуетъ шалями и женскими покрывалами. Возвращаясь изъ торговаго путешествія домой, онъ нашелъ его тутъ, на пескѣ, въ полумертвомъ состояніи. Богатая одежда и блестящіе камни на его кинжалѣ бросились ему въ глаза. Онъ употребилъ всѣ усилія возвратить ему жизнь, что и удалось ему. Молодой человѣкъ горячо благодарилъ Калумъ-Бека за спасеніе. Онъ понималъ, что безъ вмѣшательства этого человѣка, онъ бы, навѣрное, погибъ. А такъ какъ у него не было никакого желанія идти одному пѣшкомъ по пустынѣ, то онъ съ благодарностью согласился ѣхать на одномъ изъ тяжело на-

груженныхъ верблюдовъ купца. Онъ рѣшился сперва поѣхать въ Багдадъ, и тамъ уже найти себѣ попутчика въ Бальзору.

По дорогѣ купецъ много разговаривалъ со своимъ спутникомъ о повелителѣ правовѣрныхъ, Гарунъ-аль-Рашидѣ. Онъ разсказывалъ Саиду о справедливости калифа, о томъ, какъ просто и мудро разрѣшалъ онъ самыя запутанныя судебныя дѣла. Между прочимъ, онъ сообщилъ ему случай съ веревочникомъ, исторію о горшкѣ со сливками—разсказы, извѣстные всякому ребенку. И отъ всѣхъ этихъ разговоровъ Саидъ приходилъ въ восторгъ.

— Нашъ господинъ, повелитель правовѣрныхъ,— говорилъ купецъ,—замѣчательный человѣкъ. Если вы думаете, что онъ спитъ, какъ и остальные обыкновенные люди, то вы очень ошибаетесь. Два-три часа на разсвѣтѣ—вотъ и все. Я это отлично знаю. Старшій камердинеръ его, Мессуръ—мой двоюродный братъ, и хотя во всемъ, что касается тайнъ своего повелителя, онъ молчитъ, какъ могила, онъ, всетаки, изъ любви къ своимъ родственникамъ, видя, что тѣ съ ума сходятъ отъ любопытства, сообщаетъ иногда нѣкоторыя свѣдѣнія. Вмѣсто того, чтобы спать какъ другіе, калифъ ночью тайкомъ бродитъ по улицамъ Багдада. Ни одной недѣли не проходитъ безъ того, чтобы онъ не натолкнулся на какое-нибудь приключеніе. Онъ всюду ходитъ пѣшкомъ; переодѣнется то купцомъ, то морякомъ, то солдатомъ, то муфти и осматриваетъ, все ли въ порядкѣ. Потому то ни въ какомъ другомъ городѣ не

обращаются такъ вѣжливо со всякимъ встрѣчнымъ, какъ въ Багдадѣ,—вѣдь подъ видомъ грязнаго араба изъ пустыни легко можно встрѣтить и калифа.

Такъ говорилъ купецъ. И хотя Саида часто охватывало нетерпѣніе поскорѣе обнять отца, онъ, всетаки, былъ очень доволенъ, что увидитъ Багдадъ, а, можетъ быть, и знаменитаго Гарунъ-аль-Рашида.

Черезъ десять дней прибыли они въ Багдадъ, и Саидъ удивлялся и восхищался великолѣпію этого города, который именно тогда былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Купецъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Саидъ охотно принялъ это приглашеніе: онъ теперь понялъ, что кромѣ воздуха и воды изъ Тигра, да ночлега гдѣ-нибудь на ступенькахъ мечети, здѣсь ничего нельзя было получить даромъ.

На другой день по пріѣздѣ онъ одѣлъ свою великолѣпную одежду, оружіе и хотѣлъ пойти по улицамъ Багдада—людей посмотрѣть и себя показать. Въ эту минуту въ его комнату вошелъ купецъ. Онъ посмотрѣлъ на красиваго юношу съ хитрой улыбкой, расправилъ свою бороду и сказалъ:

— Все это прекрасно, молодой человѣкъ! Но что-же теперь съ вами дѣлать! Вы, мнѣ кажется, большой мечтатель, и не думаете о завтрашнемъ днѣ. Есть-ли у васъ достаточно денегъ, чтобы жить сообразно одеждѣ, которую вы носите.

— Любезный господинъ Калумъ-Бекъ,—сказалъ покраснѣвъ отъ смущенія юноша,—денегъ, конечно, у меня нѣтъ, но, быть можетъ, вы мнѣ немного да-

дите взаймы. Какъ только я доберусь домой,—отецъ все сполна возвратитъ вамъ!

— Твой отецъ?—громко разсмѣялся купецъ.— Мнѣ кажется, солнце совсѣмъ изсушило твой мозгъ. Не думаешь ли ты, что я такъ и повѣрю всѣмъ твоимъ розсказнямъ о пустынѣ. Развѣ можно повѣрить, что у тебя богатый отецъ въ Бальзорѣ, и что ты его единственный сынъ?.. А это нападеніе арабовъ, твоя жизнь въ ихъ станѣ. И тогда уже меня раздосадовала твоя дерзость и наглость. Въ Бальзорѣ я знаю всѣхъ богачей, со всѣми мнѣ приходилось имѣть дѣло. Конечно, все это ты выдумалъ: или ты не изъ Бальзоры, или твой отецъ бѣднякъ. И бѣглому сыну я мѣднаго гроша не повѣрю! А нападеніе въ пустынѣ! Давно уже ничего не слыхать о томъ, чтобы разбойники осмѣливались грабить караванъ, да еще людей въ плѣнъ забирать. О такомъ нападеніи было бы, по крайней мѣрѣ, извѣстно! Но на всемъ моемъ пути и здѣсь, въ Багдадѣ, куда со всѣхъ концовъ свѣта съѣзжаются люди, объ этомъ никто не говорилъ. Это опять безстыдная ложь!

Блѣдный отъ гнѣва и огорченія Саидъ хотѣлъ было прервать рѣчь злого человѣка, но тотъ кричалъ громче его и сильно размахивалъ при этомъ руками.

— Разсказъ же о лагерѣ Селима,—третья твоя ложь, дерзкій обманщикъ! Имя Селима хорошо знаетъ всякій, кому приходилось видѣть хоть одного араба. Но Селимъ прославился своими свирѣпыми

разбоями, а ты осмѣливаешься мнѣ разсказывать, что убилъ его сына; какже тебя тамъ не разорвали на мелкіе куски! Ты еще дальше идешь въ своей дерзости, разсказываешь невѣроятныя вещи, будто Селимъ защищалъ тебя отъ своихъ же воиновъ, отпустилъ тебя безъ выкупа, вмѣсто того, чтобы повѣсить тебя на ближайшемъ деревѣ. Развѣ можно вѣрить такимъ сказкамъ о Селимѣ, который вѣшалъ мирныхъ путешественниковъ только для того, чтобы полюбоваться ихъ гримасами на висѣлицѣ!.. Ты лжецъ!

— Какъ же мнѣ доказать тебѣ?—воскликнулъ юноша. — Я могу только поклясться собственной душой и бородой пророка, что все это правда!

— Что? Ты хочешь клясться своею душой,— закричалъ купецъ,—своей черной лживой душой? Кто тебѣ повѣритъ? И какъ ты можешь клясться бородой пророка, когда у тебя самого еще лишь пухъ на щекахъ пробивается? Кого же ты убѣдишь!

— Конечно, у меня нѣтъ свидѣтелей,—продолжалъ Саидъ,—но вы же сами нашли меня связаннымъ въ пустынѣ.

— Это ничего не доказываетъ,—отвѣтилъ купецъ.—Ты одѣтъ, какъ знатный разбойникъ. Легко могло случиться, что ты напалъ на кого-нибудь посильнѣе, тотъ побѣдилъ тебя и связалъ.

— Хотѣлъ бы я видѣть,—возразилъ Саидъ,— чтобы двое, не только одинъ,—связали меня и стащили съ сѣдла, не набросивъ сзади петли на шею. Сидя на базарѣ своемъ, вы, конечно, не знаете, на

что способенъ человѣкъ, умѣющій владѣть оружіемъ. Но вы мнѣ спасли жизнь, и я благодарю васъ! Что же хотите вы теперь со мной сдѣлать? Если вы мнѣ не поможете, я долженъ буду обратиться къ другимъ. Но я не хочу просить милостыни у равныхъ себѣ, я пойду прямо къ калифу.

— Вотъ какъ?—сказалъ съ язвительнымъ смѣхомъ купецъ.—Вы хотите обратиться ни къ кому иному, какъ къ нашему милостивому правителю? Это, по моему, прекрасно придумано! Знайте же, молодой человѣкъ, до калифа дойти можно только черезъ моего двоюроднаго брата Мессура, а мнѣ стоитъ лишь слово сказать, чтобъ обратить его вниманіе на то, какъ прекрасно вы умѣете лгать! Но мнѣ жаль, Саидъ, твоей молодости. Ты можешь еще исправиться, изъ тебя еще можетъ что-нибудь выйти. Я могу взять тебя къ себѣ въ лавку на базарѣ, тамъ ты прослужишь у меня годъ, и если, по прошествіи года, не захочешь больше оставаться, я заплачу тебѣ жалованье, и ступай себѣ, куда хочешь: въ Алеппо или въ Медину, въ Стамбулъ или Бальзору, хоть даже къ невѣрнымъ. Даю тебѣ срокъ обдумать это до полудня! Согласенъ—хорошо, не согласенъ—я подсчитаю твои издержки за дорогу и проѣздъ на верблюдѣ. Ты заплатишь мнѣ за это своимъ платьемъ и всѣмъ, что у тебя есть, а послѣ этого я вытолкну тебя на улицу. Иди потомъ и проси милостыни у калифа, или у муфти, въ мечети или на базарѣ.

Съ этими словами злой человѣкъ оставилъ несчастнаго юношу. Саидъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ былъ возмущенъ низкимъ поступкомъ купца, нарочно взявшаго его съ собой и заманившаго къ себѣ въ домъ, чтобы забрать въ свою власть. Онъ хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но комната была съ желѣзными рѣшетками, а дверь заперта. Послѣ долгаго колебанія онъ рѣшилъ, наконецъ, принять предложеніе купца и служить въ его лавкѣ. Онъ видѣлъ, что ничего лучшаго ему не оставалось дѣлать. Если бы даже онъ и убѣжалъ безъ денегъ, все равно, онъ не могъ бы добраться до Бальзоры. Онъ надѣялся при первомъ удобномъ случаѣ обратиться къ калифу и просить его защиты.

На слѣдующій день Калумъ-Бекъ привелъ новаго слугу въ свою лавку на базарѣ. Онъ показалъ Саиду всѣ свои шали, покрывала и другіе товары и объяснилъ ему, въ чемъ будутъ состоять его обязанности. Саидъ долженъ былъ снять свои воинскіе доспѣхи и одѣться приказчикомъ. Взявъ въ одну руку шаль, а въ другую великолѣпное покрывало онъ долженъ былъ стоять у входа лавки и зазывать проходящихъ мужчинъ и женщинъ, предлагать имъ свой товаръ, назначать цѣну и стараться побольше продать. Теперь Саиду ясно стало, почему Калумъ-Бекъ назначилъ его на это дѣло. Самъ онъ былъ маленькій некрасивый старикашка, и когда стоялъ у лавки и зазывалъ покупателей, то сосѣди и прохожіе отпускали на его счетъ разныя шутки, мальчишки потѣшались надъ

нимъ, а женщины называли его пугаломъ. Но каждому пріятно было видѣть молодого стройнаго Саида, ловко и громко предлагавшаго покупателямъ шали и покрывала.

Когда Калумъ-Бекъ увидалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Саидъ стоитъ у входа, число покупателей въ его лавкѣ на базарѣ значительно увеличилось, онъ сталъ обращаться съ молодымъ человѣкомъ дружески, кормилъ его лучше, чѣмъ раньше, и заботился о томъ, чтобы одежда его всегда была красива и изящна. Но эти доказательства расположенія и щедрости мало трогали Саида. Онъ цѣлый день и даже по ночамъ во снѣ мечталъ о томъ, какъ бы вернуться поскорѣй въ родной городъ.

Однажды продажа въ лавкѣ шла особенно бойко. Всѣ мальчики, разносившіе товаръ по домамъ, были отосланы. Вдругъ вошла еще одна женщина. Она быстро набрала себѣ разнаго товару и потребовала, чтобы кто-нибудь за особую плату отнесъ ея покупки на домъ.

— Я вамъ ихъ пришлю черезъ полчаса,—сказалъ Калумъ-Бекъ,—подождите немного!.. а то возьмите кого-нибудь съ улицы.

— Какой-же вы купецъ, когда покупателямъ своимъ навязываете чужихъ посыльныхъ?—воскликнула женщина.—А если мальчикъ затеряется въ толпѣ и убѣжитъ съ моими товарами! Къ кому-же я тогда обращусь? Нѣтъ, вы обязаны доставить мнѣ купленный у васъ товаръ на домъ, и я требую, чтобы вы сейчасъ-же мнѣ это сдѣлали!

— Подождите только полчаса, милостивая государыня,—говорилъ купецъ.—Мои мальчики всѣ разосланы.

... Каждому было пріятно видѣть молодого, этройнаго Саида...

— Плоха та лавка, гдѣ нѣтъ лишняго работника, отвѣчала сердитая покупательница.—А вонъ

тамъ стоитъ лѣнтяй! Поди-ка сюда, молодой человѣкъ, возьми мой пакетъ и неси за мной.

— Стойте, стойте!—закричалъ Калумъ-Бекъ.—Онъ—моя вывѣска, мой магнитъ. Онъ долженъ стоять у дверей и зазывать покупателей.

— Вотъ еще!—возразила старая женщина и, не слушая возраженій, сунула въ руки Саиду свертокъ.

— Плохъ тотъ купецъ и плохи его товары, если они не могутъ постоять сами за себя, а имъ нужна какая-то вывѣска. Иди, иди, юноша, ты получишь на чай.

— Ну, бѣги-же скорѣе,—пробормоталъ Калумъ-Бекъ своему магниту,—да смотри, возвращайся скорѣй. Пожалуй, эта старая вѣдьма подняла-бы шумъ на весь базаръ, если бы я ей отказалъ.

Саидъ послѣдовалъ за покупательницей, которая легко и быстро, чего нельзя было ожидать при ея лѣтахъ, зашагала по рынку и дальше по улицамъ. Наконецъ, она остановилась передъ великолѣпнымъ домомъ. На стукъ быстро распахнулась дверь, и дама стала подниматься по мраморной лѣстницѣ, сдѣлавъ знакъ Саиду слѣдовать за собой. Они вошли въ высокій, огромный залъ. Такого великолѣпія и красоты Саидъ никогда еще не видалъ. Здѣсь утомленная старушка сѣла на подушки дивана, сдѣлала молодому человѣку знакъ положить пакетъ, дала ему мелкую серебряную монету и приказала идти.

Онъ уже былъ у дверей, какъ вдругъ нѣжный, звонкій голосъ крикнулъ ему вслѣдъ „Саидъ!“ Удивленный, что здѣсь его знаютъ по имени, онъ повернулся и, вмѣсто старухи, увидалъ прекрасную женщину, окруженную рабами и прислугой. Отъ удивленія Саидъ не могъ сказать ни слова, скрестилъ руки и глубоко поклонился.

— Мой дорогой Саидъ,—сказала красавица,—я очень жалѣю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя привели тебя въ Багдадъ, но это единственное, назначенное тебѣ судьбой мѣсто, въ томъ случаѣ, если ты покинешь домъ до 20-ти лѣтъ, гдѣ должна рѣшиться твоя участь. Саидъ, цѣлъ ли у тебя твой свистокъ?

— Да, онъ у меня,—радостно воскликнулъ онъ, вытаскивая золотую цѣпочку.—Вѣроятно, вы—та добрая фея, которая, при моемъ рожденіи, сдѣлала мнѣ этотъ подарокъ?

— Я была другомъ твоей матери, — отвѣтила волшебница,—и тебѣ я буду другомъ все время, если ты будешь добръ и благороденъ. Ахъ, если бы твой легкомысленный отецъ послѣдовалъ моему совѣту, ты избѣжалъ бы многихъ страданій.

— Такъ, вѣрно, суждено мнѣ было страдать!—отвѣтилъ Саидъ.—Но, милостивѣйшая фея, дайте мнѣ крылья могучаго борея и перенесите на легкомъ свѣтломъ облакѣ своемъ къ отцу моему въ Бальзору. Тамъ я терпѣливо буду выжидать тѣ шесть мѣсяцевъ, которыхъ не достаетъ мнѣ до двадцати лѣтъ.

Фея засмѣялась.

— Ты прекрасно умѣешь говорить съ феями,—отвѣтила она.—Но, бѣдный Саидъ, это невозможно! Теперь, когда ты внѣ родительскаго крова, я ничего

чудеснаго не могу для тебя сдѣлать. Я даже не могу освободить тебя отъ власти презрѣннаго Калумъ-Бека! Онъ находится подъ покровительствомъ твоего могущественнаго врага.

— Такъ у меня, кромѣ добраго друга,—спросилъ Саидъ,—есть еще и врагъ? До сихъ поръ, очевидно, мнѣ приходилось испытывать больше всего его силу. Но не можете ли вы помочь мнѣ хотя совѣтомъ? Не пойти ли мнѣ къ калифу и не попросить ли у него защиты. Онъ мудръ и, навѣрно, защититъ меня отъ Калумъ-Бека.

— Да, Гарунъ—мудрый человѣкъ! — возразила фея.—Но, къ сожалѣнію, онъ человѣкъ. Онъ вѣритъ своему первому камердинеру Мессуру, какъ самому себѣ; Мессуръ преданъ ему всей душой, но во всемъ слушается Калумъ-Бека. А ужъ это худо, потому что Калумъ злой человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Калумъ хитеръ, какъ лисица. По пріѣздѣ сюда онъ сочинилъ своему двоюродному брату про тебя небылицу, а тотъ разсказалъ ее калифу, такъ что, если бы ты пошелъ теперь въ замокъ къ калифу, тамъ тебя приняли бы дурно. Калифъ не повѣрилъ бы твоимъ разсказамъ. Но есть другія средства и пути приблизиться къ нему, и въ звѣздахъ написано, что ты пріобрѣтешь милость калифа!..

— Да, какъ жаль,—грустно сказалъ Саидъ.—Стало быть, еще нѣсколько времени я долженъ оставаться въ лавкѣ презрѣннаго Калумъ-Бека. Но одну милость, почтенная фея, вы можете даровать мнѣ. Я обучился военному дѣлу, и высшее удовольствіе

мое военныя игры и упражненія въ сраженіи копьями, стрѣлами и мечами. Юноши этого города каждую недѣлю устраиваютъ подобныя игры. Но только люди въ богатыхъ доспѣхахъ и притомъ только свободные, а не слуги съ базара, могутъ вступать въ этотъ кругъ. Если бы вы могли такъ устроить, чтобы я каждую недѣлю могъ имѣть лошадь, одежду, оружіе, и чтобы меня не такъ легко было узнать...

— Такое желаніе достойно всякаго благороднаго человѣка,—сказала фея.—Твой дѣдъ по матери былъ самымъ храбрымъ человѣкомъ въ Сиріи, и ты, кажется, унаслѣдовалъ его нравъ. Замѣть этотъ домъ. Ты здѣсь найдешь коня, двухъ оруженосцевъ, оружіе, одежду, и особую воду; умоешься ею и сдѣлаешься совершенно неузнаваемымъ. А теперь прощай, Саидъ. Терпи, будь мудръ и добродѣтеленъ! Черезъ шесть мѣсяцевъ твой свистокъ будетъ дѣйствовать, и ухо Цумилы откроется для его звуковъ.

Съ благодарностью и почтеніемъ разстался молодой человѣкъ со своей покровительницей. Онъ тщательно замѣтилъ улицу и домъ и пошелъ на базаръ.

Саидъ возвратился какъ разъ во время. Около лавки стояла большая толпа; мальчишки скакали вокругъ Калумъ-Бека и издѣвались надъ нимъ, старшіе смѣялись. Съ шалью въ одной рукѣ и съ покрываломъ въ другой купецъ стоялъ передъ лавкой, дрожа отъ гнѣва и не зная, что дѣлать. Причиной

этой странной сцены было происшествіе, случившееся по уходѣ Саида. На мѣсто своего красиваго слуги Калумъ самъ сталъ передъ дверью и предлагалъ товаръ. Но никто не хотѣлъ покупать у стараго отвратительнаго торгаша. Въ это время по базару ходили двое мужчинъ, желавшихъ купить своимъ женамъ подарки. Они уже нѣсколько разъ проходили взадъ и впередъ и опять возвращались назадъ. Замѣтивъ это, Калумъ-Бекъ хотѣлъ ихъ привлечь къ себѣ и закричалъ: „Сюда, господа, сюда! Что вамъ угодно? Пожалуйте, вотъ прекрасныя покрывала, хорошій товаръ!

— Старикъ,—отвѣтилъ одинъ,—твои товары можетъ быть, дѣйствительно, прекрасны, но наши жены капризны; въ городѣ теперь мода покупать покрывала только у красиваго прикащика Саида. Мы ходимъ тутъ уже съ полчаса, ищемъ его и не можемъ найти. Но если ты можешь сказать, гдѣ его лавка, мы купимъ у тебя что-нибудь въ другой разъ.

— Алла, Алла!—сказалъ Калумъ-Бекъ,—любезно улыбаясь,—пророкъ привелъ васъ какъ разъ, куда слѣдуетъ. Вы хотѣли купить покрывало у красиваго прикащика? Ну, такъ войдите, его лавка здѣсь!

Одинъ изъ покупателей засмѣялся на маленькую, тщедушную фигуру Калума, услыхавъ, что онъ называетъ себя красивымъ приказчикомъ. Но другой подумалъ, что Калумъ смѣется надъ ними и, не желая оставаться у него въ долгу, сильно выбранилъ его. Калумъ вышелъ изъ себя. Онъ призывалъ сосѣдей въ свидѣтели, что эту именно лавку, а не другую называютъ лавкой красиваго приказчика. Но сосѣди, завидуя успѣху его торговли, отказались поддержать его. Тогда покупатели обозвали его старымъ лгуномъ, и съ кулаками накинулись на купца. Калумъ защищался крикомъ и бранью, и это привлекло къ его лавкѣ большую толпу. Половина города знала его за страшнаго скрягу, и всѣ радовались теперь, что ему досталось. Одинъ изъ покупателей уже вцѣпился было ему въ бороду, какъ кто-то схватилъ его за руку и однимъ ударомъ повалилъ его на землю, такъ что съ головы его свалился тюрбанъ, а туфли далеко отлетѣли въ сторону.

Толпа, съ удовольствіемъ смотрѣвшая, какъ колотили Калумъ-Бека, громко выразила свое неудовольствіе; товарищъ потерпѣвшаго искалъ глазами того, кто осмѣлился сбить съ ногъ его друга. Но когда онъ увидѣлъ передъ собою сильнаго молодого человѣка, съ блестящими глазами, съ смѣлымъ выраженіемъ лица, онъ не посмѣлъ его тронуть. Калумъ закричалъ, указывая на молодого человѣка:

— Ну, чего вамъ еще нужно? Вотъ онъ и есть Саидъ, красивый приказчикъ!

Толпа засмѣялась, признавъ, что съ Калумомъ поступили несправедливо. Сбитый съ ногъ человѣкъ поднялся и, прихрамывая, пошелъ со своимъ товарищемъ дальше, не купивъ ни шали, ни покрывала.

— Звѣзда приказчиковъ, корона базара! — вос-

кликнулъ Калумъ, вводя своего слугу въ лавку.— Вотъ это называется придти во время! Вѣдь какъ полетѣлъ этотъ негодяй! точно онъ никогда и не стоялъ на ногахъ... а мнѣ бы, пожалуй, никогда не пришлось больше обращаться къ цырюльнику и не понадобилось бы расчесывать бороду, если бы ты хоть двумя минутами опоздалъ. Чѣмъ могу я отплатить тебѣ за это?..

Рукой Саида руководило лишь чувство жалости. Теперь это чувство улеглось и онъ почти раскаивался, что избавилъ злодѣя отъ заслуженнаго наказанія. „Потерявъ дюжину волосъ изъ бороды", думалъ онъ, „Калумъ сдѣлался бы на двѣнадцать дней мягче и добрѣе". Однако, теперь ему не хотѣлось упустить благопріятнаго случая. Пользуясь добрымъ настроеніемъ купца, онъ попросилъ, чтобы тотъ, въ знакъ благодарности, отпускалъ его, хоть одинъ вечеръ въ недѣлю, свободно гулять и дѣлать, что хочетъ. Калумъ согласился. Онъ зналъ, что его невольный рабъ не убѣжитъ безъ денегъ и безъ хорошей одежды.

Скоро Саидъ дождался желаннаго дня. Въ слѣдующую среду, въ тотъ день, когда знатные молодые люди собирались на широкой площади города на состязанія въ военномъ искусствѣ, онъ сказалъ Калуму, что въ этотъ день вечеромъ хочетъ воспользоваться своей свободой. Калумъ разрѣшилъ.

Какъ только смерклось, Саидъ пошелъ на ту улицу, гдѣ жила фея, постучалъ, и тотчасъ-же открылись передъ нимъ ворота. Слуги, казалось, ожидали его. Не спрашивая, что ему нужно, они провели его по лѣстницѣ въ прелестную комнату. Здѣсь прежде всего ему подали воды, которая должна была сдѣлать его неузнаваемымъ. Онъ вымылъ лицо, посмотрѣлъ въ зеркало и едва узналъ себя: съ загорѣлымъ лицомъ съ длинной, черной бородой онъ выглядѣлъ по меньшей мѣрѣ на десять лѣтъ старше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Потомъ его провели въ другую комнату, тамъ онъ нашелъ роскошное одѣяніе, какое самъ калифъ Багдадскій не постыдился бы надѣть, являясь на смотръ своихъ войскъ. Для него былъ приготовленъ тюрбанъ съ брилліантовой застежкой и высокими перьями, красный шелковый кафтанъ съ серебряными полосами; тонкой работы кольчуга изъ серебряныхъ колецъ. Весь этотъ нарядъ довершался дамасскимъ кинжаломъ въ богато разукрашенныхъ ножнахъ, на рукояткѣ котораго блестѣли чудесные драгоцѣнные камни.

Когда онъ, одѣтый, вышелъ изъ комнаты, одинъ изъ слугъ подалъ ему шелковый платокъ и сказалъ, что этотъ платокъ посылаетъ ему его госпожа. Если Саидъ вытретъ имъ лицо, то и борода, и темный цвѣтъ кожи тотчасъ-же исчезнутъ.

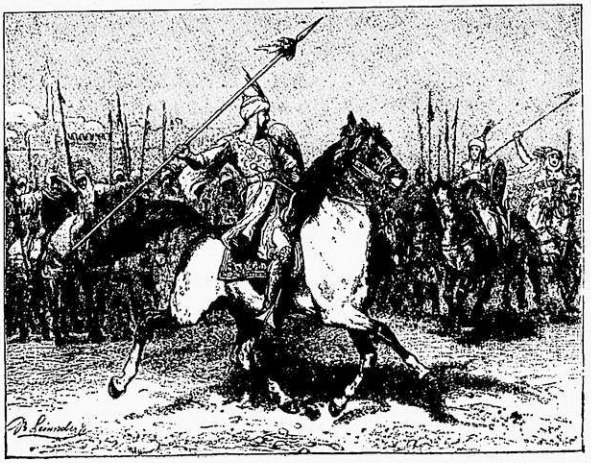
На дворѣ стояли три прекрасныя лошади. На самую красивую вскочилъ Саидъ, на двухъ другихъ его слуги, и они поскакали на ту площадь, гдѣ должно было состояться состязанье. Блескъ одежды и великолѣпіе оружія Саида приковали къ нему всѣ взоры. А когда онъ пріѣхалъ на площадь, окружен-

ную толпою, поднялся всеобщій гулъ удивленія. Тамъ было блестящее общество самыхъ храбрыхъ и знатныхъ молодыхъ людей Багдада. Братья самого калифа разъѣзжали здѣсь на своихъ скакунахъ, помахивая копьями. При появленіи Саида сынъ великаго визиря, замѣтивъ незнакомаго всадника, подъѣхалъ къ нему въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей своихъ, почтительно поклонился и пригласилъ принять участіе въ ихъ играхъ. При этомъ онъ освѣдомился объ имени незнакомца и откуда тотъ прибылъ. Саидъ отвѣтилъ, что его зовутъ Альманзоромъ, родомъ онъ изъ Каира. Путешествуя по разнымъ странамъ, онъ много слышалъ о мужествѣ и ловкости багдадской благородной молодежи, и теперь не хотѣлъ пропустить случая познакомиться съ ихъ состязаніями. Осанка и смѣлое поведеніе Саида-Альманзора понравились молодымъ людямъ. Они подали ему копье и попросили выбрать одну изъ двухъ партій, на которыя раздѣлились всѣ состязающіеся, гдѣ бы онъ хотѣлъ участвовать.

Ловкость и проворство Саида изумили зрителей еще больше, чѣмъ его наружность.

Лошадь его летала быстрѣе птицы, мечъ такъ и сверкалъ въ воздухѣ. Онъ металъ копье свободно и легко, безъ промаха попадая въ цѣль. Онъ одержалъ верхъ надъ самыми храбрыми противниками, и въ концѣ военной игры всѣ признали его побѣдителемъ. Братъ калифа и сынъ великаго визиря, по окончаніи игры просили его состязаться съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Али, братъ калифа,

остался побѣжденнымъ, но сынъ великаго визиря сопротивлялся такъ стойко, что послѣ долгой борьбы рѣшено было отложить состязаніе до слѣдующаго раза.



... Ловкость и проворство Саида изумили зрителей...

На другой день во всемъ Багдадѣ ни о чемъ другомъ не говорилось, какъ о красивомъ, богатомъ, храбромъ иностранцѣ. Всѣ видѣвшіе его, не исключая и побѣжденныхъ, были очарованы его благородствомъ. О немъ говорили ему самому въ лавкѣ Калумъ-Бека; жалѣли только, что никто не знаетъ,

гдѣ онъ живетъ. Въ слѣдующій разъ онъ нашелъ въ домѣ феи еще лучшее платье и еще болѣе цѣнные доспѣхи. На этотъ разъ собралась половина Багдада; самъ калифъ смотрѣлъ съ балкона на зрѣлище. Онъ тоже восхищался иностранцемъ Альманзоромъ и, въ доказательство своего уваженія къ нему, по окончаніи игръ повѣсилъ ему на шею медаль на золотой цѣпи.

Вторая побѣда возбудила къ нему зависть Багдадской молодежи. „Какой-то иностранецъ“, говорили юноши между собою, „пріѣхалъ къ намъ въ Багдадъ и отнялъ у насъ славу и честь побѣды. Пожалуй, онъ будетъ хвалиться у себя дома, что изъ всей блестящей молодежи Багдада никто не могъ съ нимъ сравняться“.

Они сговорились между собой и рѣшили на слѣдующихъ играхъ напасть на него, человѣкъ пять или шесть сразу. Недовольство молодежи не ускользнуло отъ проницательнаго взора Саида. Онъ замѣтилъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ перешептывались и бросали въ его сторону сердитые взгляды. Онъ чувствовалъ, что кромѣ брата калифа и сына великаго визиря всѣ относились къ нему враждебно.

По странной случайности болѣе другихъ враждебно былъ настроенъ противъ него ни кто иной, какъ тотъ покупатель, котораго Саидъ недавно сбилъ съ ногъ передъ лавкой Калумъ-Бека. Этотъ человѣкъ внимательно, съ какимъ-то озлобленіемъ наблюдалъ за Саидомъ. Правда, въ состязаніи Саидъ ужъ не разъ побѣждалъ его, но это обстоятельство

не достаточно еще объясняло такую явную ненависть. Саидъ ужъ побаивался, что онъ по росту, можетъ быть, и по голосу призналъ въ немъ прикащика Калумъ-Бека. Это открытіе подвергло бы его насмѣшкамъ и мести со стороны молодыхъ людей.

Замыслы его завистниковъ не осуществились, отчасти благодаря его осторожности и храбрости, а отчасти благодаря дружбѣ брата калифа и сына великаго визиря. Какъ только они замѣтили, что человѣкъ пять окружили Саида, стараясь выбить его изъ сѣдла и обезоружить, братъ калифа и сынъ визиря подскакали и разогнали коварныхъ товарищей съ угрозою удалить ихъ съ мѣста состязаній, если они будутъ дѣйствовать предательски.

Прошло четыре мѣсяца. Однажды вечеромъ, возвращаясь съ состязанія, Саидъ услыхалъ голоса, показавшіеся ему знакомыми. Впереди него шли четыре человѣка и, казалось, о чемъ-то совѣщались. Приблизившись къ нимъ, онъ услыхалъ, что они говорятъ на языкѣ шайки Селима изъ пустыни. Онъ предчувствовалъ, что они замышляютъ какой-нибудь разбой. Первымъ его побужденіемъ было уйти отъ нихъ. Но потомъ онъ сообразилъ, что, узнавъ ихъ замыслы, онъ можетъ предупредить ихъ злодѣяніе. Подкравшись поближе, онъ началъ прислушиваться къ ихъ разговору.

— Привратникъ ясно сказалъ: улица направо отъ базара, — говорилъ одинъ, — вотъ тутъ онъ и пройдетъ сегодня съ великимъ визиремъ.

— Хорошо!—отвѣтилъ другой,—великаго визиря я не боюсь, онъ старъ и, навѣрное, не очень храбръ; но калифъ всегда носитъ съ собой хорошій мечъ, да кромѣ того, навѣрное, человѣкъ десять, двѣнадцать стражи сопровождаетъ его,

— Ни одной души,—возразилъ третій.—Когда его встрѣчали по ночамъ, съ нимъ всегда былъ только визирь или его вѣрный слуга Мессуръ. Сегодня, онъ будетъ въ нашихъ рукахъ! Только вреда ему никакого не слѣдуетъ дѣлать!

— Я думаю, самое лучшее,—сказалъ первый,—накинемъ ему на шею петлю. Убивать его не за чѣмъ, потому что за трупъ его намъ дадутъ ничтожный выкупъ, а то еще, пожалуй, и ничего не получишь.

— Итакъ, за часъ до полуночи,—сказали они и разошлись въ разныя стороны.

Саида очень встревожилъ этотъ заговоръ. Онъ рѣшилъ сейчасъ же поспѣшить во дворецъ калифа и предупредить его объ угрожавшей опасности. Но, пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ вдругъ вспомнилъ разговоръ о томъ, что во дворцѣ калифа ему не повѣрятъ. Пожалуй, надъ извѣстіемъ его тамъ только посмѣются или сочтутъ за попытку вкрасться въ милость повелителя Багдада. Онъ рѣшилъ не ходить туда и, положившись на свой добрый мечъ, попытаться самому спасти калифа отъ разбойниковъ.

Не заходя въ домъ Калумъ-Бека, онъ сѣлъ на ступеньки мечети, около полуночи прошелъ мимо базара въ назначенную разбойниками улицу и спрятался за выступъ одного дома. Онъ простоялъ тамъ около часу, какъ вдругъ услыхалъ, что по улицѣ медленно идутъ два человѣка. Сначала онъ подумалъ, что это калифъ съ визиремъ. Но одинъ изъ нихъ хлопнулъ въ ладоши, и съ другого конца улицы отъ базара тихо вышли еще двое. Они пошептались немного и потомъ раздѣлились; трое спрятались недалеко отъ Саида, а одинъ сталъ ходить взадъ и впередъ по улицѣ. Ночь была очень темная, но тихая, такъ что Саидъ могъ разсчитывать на свой тонкій слухъ.

Прошло еще около получаса, когда послышались другіе шаги со стороны базара. Разбойникъ, вѣроятно, тоже услыхалъ ихъ: онъ прокрался мимо Саида къ базару. Шаги приближались, и Саидъ могъ уже различить какія-то темныя фигуры. Вдругъ разбойникъ хлопнулъ въ ладоши, и въ то-же мгновеніе трое разбойниковъ выскочили изъ своей засады. Тѣ, на которыхъ они напали, тоже, должно быть, были вооружены, такъ какъ Саидъ услыхалъ звуки ударявшихся другъ о друга мечей. Саидъ поспѣшно выхватилъ свой мечъ и съ крикомъ: „Смерть врагамъ великаго Гаруна!“ бросился на помощь. Первымъ ударомъ онъ свалилъ съ ногъ ближайшаго разбойника и затѣмъ набросился на тѣхъ, которые затянули петлею шею одной жертвы и пытались обезоружить ее. Саидъ съ размаху ударилъ мечемъ, чтобы перерубить веревку, но попалъ прямо по рукѣ разбойника, такъ что тотъ упалъ со стономъ на колѣни. Четвертый разбойникъ бросилъ въ эту

минуту своего противника и повернулся къ Саиду. Но человѣкъ, освобожденный отъ петли, почувствовавъ себя на свободѣ, схватилъ кинжалъ и вонзилъ его въ грудь третьему разбойнику, такъ что тотъ свалился замертво. Тогда четвертый поспѣшно обратился въ бѣгство.

Одинъ изъ спасенныхъ приблизился къ Саиду и сказалъ:

— Меня удивляетъ это покушеніе на мою жизнь, но не менѣе удивляетъ меня и неожиданная помощь и спасеніе. Почему вы узнали, кто я? Какъ вы узнали замыселъ этихъ людей?

— Повелитель правовѣрныхъ!—отвѣтилъ Саидъ,— я не сомнѣваюсь, что это ты. Я шелъ сегодня по улицѣ Эль Малекъ позади какихъ-то людей, странный и таинственный языкъ которыхъ я когда-то изучалъ. Они говорили о томъ, что хотятъ взять тебя въ плѣнъ, а достойнаго твоего визиря убить. Такъ какъ было уже слишкомъ поздно, чтобы предупредить тебя, то я и рѣшилъ быть у того мѣста, гдѣ они замышляли напасть на тебя.

— Благодарю тебя,—сказалъ Гарунъ.—Возьми вотъ это кольцо и приходи съ нимъ завтра ко мнѣ во дворецъ, тамъ мы побольше поговоримъ о тебѣ, о твоей помощи и посмотримъ, чѣмъ тебя лучше всего можно будетъ наградить. Идемъ, визирь, здѣсь нельзя оставаться, они, пожалуй, вернутся.

Сказавъ это и надѣвъ кольцо на палецъ юноши, онъ приказалъ великому визирю слѣдовать за собой.

Но тотъ попросилъ его подождать, остановился и подалъ удивленному юношѣ тяжелый кошелекъ.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—мой повелитель калифъ можетъ все, что ему угодно, даже назначить тебя моимъ преемникомъ; самъ же я немногое могу сдѣлать для тебя и сдѣлаю это лучше сегодня, чѣмъ завтра—возьми вотъ этотъ кошелекъ! И если у тебя будетъ какое нибудь желаніе, обращайся смѣло ко мнѣ!

Внѣ себя отъ счастья Саидъ поспѣшилъ домой. Но здѣсь его встрѣтили непріятности. Калумъ-Бекъ сначала безпокоился о немъ, потомъ разсердился и напалъ на него со страшной бранью, кричалъ и бѣсился, какъ сумасшедшій. Но Саидъ, убѣдившись въ томъ, что кошелекъ его наполненъ золотыми монетами, подумалъ, что теперь онъ можетъ уѣхать домой, не дожидая милостей калифа, которыя, навѣрное, были-бы не меньше благодарности его визиря. Поэтому онъ объявилъ Калумъ-Беку прямо и твердо, что не хочетъ дольше у него оставаться ни одной минуты. Сначала Калумъ-Бекъ очень испугался, потомъ злорадно разсмѣялся и сказалъ:

— Ахъ ты искатель приключеній, голышъ! Куда ты дѣнешься, если я отступлюсь отъ тебя? Гдѣ ты будешь ѣсть, гдѣ найдешь себѣ пріютъ?

— Не безпокойтесь объ этомъ, Калумъ-Бекъ,— рѣзко отвѣтилъ Саидъ,—будьте здоровы, больше вы меня не увидите!

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ двери, а Калумъ-

Бекъ, онѣмѣвъ отъ удивленія, только посмотрѣлъ ему вслѣдъ. На слѣдующее утро онъ послалъ своихъ слугъ разыскать бѣглеца. Долго они искали его; наконецъ, одинъ изъ нихъ вернулся и разсказалъ, что видѣлъ, какъ прикащикъ Саидъ вышелъ изъ мечети и пошелъ въ лучшій караванъ-сарай *). Но его почти нельзя было узнать: на немъ одѣто прекрасное платье, кинжалъ и сабля, и великолѣпный тюрбанъ.

Услыхавъ это, Калумъ-Бекъ разразился проклятіями и закричалъ.

— Онъ обокралъ меня и на это купилъ себѣ одежду. О, я несчастный человѣкъ!

И онъ тутъ-же побѣжалъ къ начальнику полиціи. Тамъ знали, что онъ родственникъ перваго камердинера, Мессура, и потому ему не трудно было получить нѣсколькихъ полицейскихъ, чтобы арестовать Саида. Саидъ спокойно сидѣлъ въ гостиницѣ и велъ переговоры съ однимъ купцомъ о путешествіи въ свой родной городъ Бальзору. Вдругъ на него напало нѣсколько человѣкъ и, несмотря на его сопротивленіе, они связали ему руки за спину. На вопросъ его, по какому праву они производятъ надъ нимъ такое насиліе, они отвѣтили, что дѣлаютъ это именемъ полиціи и его законнаго повелителя, Калумъ-Бека. Въ это-же время подошелъ къ нимъ маленькій невзрачный человѣкъ. Съ насмѣшками и издѣвательствомъ ощупалъ онъ карманы Саида и, къ удивленію окружающихъ, вытащилъ большой кошелекъ съ золотомъ.

*) Гостиница.

— Смотрите! все это онъ понемножку наворовалъ у меня!—кричалъ онъ съ торжествомъ. Стоявшіе тамъ презрительно посмотрѣли на арестованнаго и сказали:

— Каковъ! такой молодой, такой красивый, а какъ испорченъ! Къ судьѣ, въ судъ его! пусть тамъ накажутъ его розгами!

Саида потащили. Громадная толпа народу потянулась вслѣдъ за арестантомъ; всѣ кричали: „Смотрите, это красивый прикащикъ съ базара! Онъ обокралъ своего хозяина, стащилъ у него двѣсти золотыхъ!“

Полицейскій надзиратель очень сурово встрѣтилъ узника. Саидъ хотѣлъ было говорить, но чиновникъ приказалъ ему молчать и допрашивалъ только маленькаго купца. Надзиратель показалъ ему кошелекъ и спросилъ, его ли это деньги. Калумъ-Бекъ клялся, что деньги его. Судья сказалъ:

— По закону, недавно только утвержденному моимъ державнымъ повелителемъ калифомъ, всякое воровство, превышающее 100 золотыхъ и совершонное на базарѣ, должно быть наказано вѣчною ссылкою на необитаемый островъ. Этотъ воръ поспѣлъ вовремя; у насъ одного не доставало до двадцати такихъ молодцовъ. Завтра ихъ посадятъ на корабль, и они отправятся въ море.

Саидъ былъ въ отчаяніи. Онъ умолялъ чиновника выслушать его, позволить ему сказать хоть

одно слово калифу, но тотъ былъ неумолимъ. Даже Калумъ-Бекъ, раскаявшійся уже въ своей клеветѣ, просилъ теперь за него, но судья отвѣчалъ:

— Ты получилъ свое золото и будь доволенъ; иди домой и не шуми здѣсь, иначе за каждое противорѣчіе я оштрафую тебя на десять золотыхъ.— Смущенный Калумъ замолчалъ. По знаку судьи увели несчастнаго Саида.

Его отвели въ мрачную сырую тюрьму. Тамъ лежало на соломѣ девятнадцать приговоренныхъ. Они встрѣтили его, какъ своего товарища, и разразились грубымъ смѣхомъ и проклятіями судьбѣ и калифу. Ему предстояла страшная участь; мысль быть сосланнымъ на пустынный островъ ужасала его, но, всетаки, онъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что уже завтра можетъ освободиться изъ этой отвратительной тюрьмы. Однако, онъ очень ошибался, думая, что на кораблѣ его положеніе улучшится. Всѣ двадцать осужденныхъ были брошены на дно корабля; тамъ было такъ низко, что стоять было невозможно.

Корабль снялся съ якоря и двинулся, а Саидъ заплакалъ горькими слезами при мысли о томъ, что его увозятъ далеко отъ его отечества. Разъ въ день раздавали узникамъ понемногу хлѣба и фруктовъ, и прѣсной воды для питья. Въ трюмѣ было такъ темно, что во время ѣды нужно было зажигать свѣчи. Почти каждые два-три дня кто-нибудь изъ заключенныхъ умиралъ, такъ нездоровъ былъ воздухъ въ этой водяной тюрьмѣ, и только благодаря своей молодости и силѣ Саидъ остался живъ.

Двѣ недѣли находились они уже въ морѣ, какъ, однажды, волны зашумѣли сильнѣе, и на кораблѣ поднялась необыкновенная бѣготня и волненіе.

Саидъ почувствовалъ, что приближается буря. Это ему было очень пріятно, потому что онъ надѣялся умереть. Корабль все сильнѣе и сильнѣе бросало въ стороны и, наконецъ, съ ужаснымъ трескомъ онъ остановился. Съ палубы раздались отчаянные крики, смѣшавшіеся съ ревомъ бури. Потомъ опять все затихло. Въ это время одинъ изъ заключенныхъ замѣтилъ, что въ кораблѣ образовалась течь. Они стали стучаться въ дверь, наверхъ, никакого отвѣта. Вода все сильнѣе и сильнѣй прибывала; тогда они надавили соединенными силами на дверь, и та свалилась съ петель.

Они поднялись по лѣстницѣ, но наверху не было ни одного человѣка. Весь экипажъ спасся на лодкахъ. Большинство заключенныхъ пришло въ отчаянье, потому что буря все усиливалась, а корабль трещалъ и погружался въ воду. Еще нѣсколько часовъ просидѣли они на палубѣ и послѣдній разъ поужинали найденными на ней запасами; потомъ буря снова забушевала, корабль былъ сброшенъ со скалы, на которой онъ крѣпко засѣлъ, и обратился въ щепки.

Саидъ уцѣпился за обломокъ мачты и поплылъ, держась за него. Волны бросали его въ разныя стороны, но онъ крѣпко держался за дерево. Онъ плылъ

такимъ образомъ около получаса. Вдругъ изъ-за пояса его выскочилъ свистокъ. Тутъ онъ рѣшилъ еще разъ попробовать свистнуть. Уцѣпившись одной рукой за мачту, другой онъ поднесъ свистокъ къ губамъ, подулъ, и въ воздухѣ раздался чистый, громкій свистъ. Въ ту-же минуту буря затихла, волны улеглись, точно на нихъ вылилось какое-нибудь масло. Не успѣлъ онъ оглядѣться, не виднѣется-ли гдѣ-нибудь земля, какъ мачта подъ нимъ начала расширяться и какъ-то странно задвигалась; къ немалому ужасу своему онъ замѣтилъ, что подъ нимъ уже не бревно, а громадный дельфинъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда вернулось къ нему присутствіе духа, онъ увидалъ, что дельфинъ быстро, но спокойно плыветъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Онъ приписалъ свое чудесное спасеніе серебрянному свистку, и громко сталъ благодарить добрую фею.

Съ быстротою стрѣлы несся его чудесный конь по волнамъ, и уже къ вечеру показалась земля, и онъ увидалъ широкую рѣку, куда вскорѣ повернулъ дельфинъ. Противъ теченія они поплыли медленѣе. Вспомнивъ старинныя волшебныя сказки, Саидъ вытащилъ свой серебрянный свистокъ, громко свистнулъ въ него и пожелалъ себѣ хорошій ужинъ. Дельфинъ тотчасъ остановился, изъ воды поднялся столъ, совершенно сухой, точно онъ цѣлую недѣлю простоялъ на солнцѣ. На немъ было множество самыхъ тонкихъ кушаній. Саидъ усердно принялся за ѣду,—во время заточенья его мало и плохо кормили.

Наѣвшись вдоволь, онъ высказалъ столу благодарность, и тотчасъ-же столъ снова погрузился въ воду, а дельфинъ поплылъ дальше вверхъ по рѣкѣ.

Солнце склонялось къ западу, когда Саидъ въ туманной дали замѣтилъ большой городъ, минареты котораго показались ему похожими на Багдадскія. Мысль о Багдадѣ была ему не очень пріятна, но онъ питалъ большое довѣріе къ доброй феѣ и совершенно твердо былъ увѣренъ, что она не отдастъ его больше въ руки низкаго Калумъ-Бека. Всторонѣ, недалеко отъ берега, приблизительно за милю отъ города онъ увидѣлъ великолѣпный дворецъ, и къ его великому удивленію дельфинъ направился какъ разъ къ этому дворцу.

На крышѣ дворца стояло нѣсколько прекрасно одѣтыхъ мужчинъ, а на берегу Саидъ увидѣлъ толпу слугъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на него. Дельфинъ остановился у мраморной лѣстницы, которая вела отъ рѣки ко дворцу. Едва Саидъ взошелъ на первую ступеньку, какъ дельфинъ безслѣдно исчезъ. Навстрѣчу къ нему тотчасъ поспѣшилъ слуга. Отъ имени своего господина онъ пригласилъ Саида войти во дворецъ и предложилъ ему сухую одежду. Саидъ быстро переодѣлся и послѣдовалъ за слугой на крышу. Тамъ стояло три человѣка; самый высокій и самый красивый изъ нихъ дружелюбно и привѣтливо пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Кто ты, чудесный иностранецъ, — спросилъ онъ,—укрощающій дельфиновъ и управляющій ими,

точно лучшею боевою лошадью? Волшебникъ-ли ты, или такой-же человѣкъ, какъ и мы?

— Господинъ!—отвѣтилъ Саидъ,—за послѣднюю недѣлю мнѣ пришлось много выстрадать, но если это доставитъ тебѣ удовольствіе, я готовъ разсказать о своихъ несчастіяхъ.

И онъ разсказалъ всю свою исторію съ того момента, какъ онъ оставилъ свой родительскій домъ и до самаго чудеснаго спасенія своего. Часто его прерывали восклицанія удивленія и сочувствія. Когда-же онъ окончилъ, хозяинъ дома, дружески встрѣтившій Саида, сказалъ:

— Я вѣрю твоимъ словамъ, Саидъ. Но ты разсказывалъ намъ, что получилъ на состязаніи цѣпь, и что калифъ подарилъ тебѣ кольцо, не можешь ли ты намъ показать ихъ?

— Я сохранилъ ихъ вотъ здѣсь, на моей груди,—сказалъ молодой человѣкъ,—съ такимъ драгоцѣннымъ подаркомъ я разстался бы только вмѣстѣ съ жизнью, потому что освобожденіе великаго калифа изъ рукъ убійцъ я считаю самымъ славнымъ, самымъ прекраснымъ дѣломъ всей своей жизни.

Съ этими словами онъ вытащилъ цѣпь и кольцо и передалъ ихъ высокому красивому человѣку.

— Клянусь бородой пророка, это мое кольцо!—воскликнулъ тотъ.—Великій визирь, обнимемъ его, это нашъ спаситель!

И тутъ они оба стали обнимать Саида.

Саидъ былъ точно во снѣ. Однако, онъ бросился на колѣни и сказалъ:

— Прости меня, повелитель правовѣрныхъ! Ты вѣдь ни кто иной, какъ Гарунъ-аль-Рашидъ, великій калифъ Багдадскій?

— Да, это я,—твой другъ!—отвѣтилъ Гарунъ.—Отнынѣ твоя горькая участь должна совершенно измѣниться. Слѣдуй за мной въ Багдадъ, оставайся въ моей свитѣ и самымъ ближайшимъ мнѣ лицомъ: въ ту ночь ты такъ наглядно показалъ, что Гарунъ тебѣ близокъ; не всякій изъ моихъ слугъ можетъ выдержать такое испытаніе.

Саидъ поблагодарилъ калифа. Онъ обѣщалъ ему навсегда остаться при дворѣ, только попросилъ раньше отпустить его къ отцу, который теперь, навѣрное, о немъ безпокоится. Калифъ нашелъ такое желаніе вполнѣ справедливымъ и похвальнымъ.

Они сѣли на коней и еще до захода солнца пріѣхали въ Багдадъ. Калифъ отдалъ въ распоряженіе Саида цѣлую вереницу великолѣпно отдѣланныхъ комнатъ и обѣщалъ еще, кромѣ того, построить ему отдѣльный дворецъ.

При первомъ извѣстіи объ этомъ приключеніи явились прежніе пріятели Саида, братъ калифа и сынъ визиря. Они обняли его, какъ спасителя дорогихъ имъ людей, и просили не отказать имъ въ своей дружбѣ. Но они онѣмѣли отъ изумленія, когда онъ сказалъ:

— Я уже давно вашъ другъ,—и при этомъ вытащилъ цѣпь, полученную въ награду за побѣды. Онъ разсказалъ имъ потомъ, какъ и почему онъ измѣнялъ свою внѣшность. Въ доказательство спра-

ведливости своихъ словъ онъ велѣлъ принести тупые мечи, сразился съ ними и показалъ, что онъ и есть Альманзоръ Храбрый. Тогда они снова обняли его, считая для себя величайшимъ счастьемъ имѣть такого друга.

На слѣдующій день, когда Саидъ съ великимъ визиремъ сидѣлъ у калифа, вошелъ Мессуръ и сказалъ:

— Повелитель правовѣрныхъ, если это возможно, я осмѣливаюсь попросить у тебя одной милости.

— Я раньше хочу слышать, въ чемъ дѣло. — отвѣтилъ калифъ.

— Тамъ, у дверей стоитъ мой дорогой кровный двоюродный братъ, Калумъ-Бекъ, знаменитый купецъ съ базара,—сказалъ онъ,—у него завязалось одно странное спорное дѣло съ однимъ человѣкомъ изъ Бальзоры. Сынъ этого человѣка былъ у Калумъ-Бека на службѣ, обокралъ его и бѣжалъ, и никто не знаетъ, куда. Но теперь отецъ требуетъ у Калумъ-Бека своего сына, а у него его нѣтъ. Калумъ-Бекъ проситъ у тебя милости: не соблаговолишь ли ты силою своей мудрости и проницательности разсудить его съ этимъ человѣкомъ изъ Бальзоры.

— Я буду судить, — отвѣтилъ калифъ, — пусть твой двоюродный братъ со своимъ противникомъ явятся черезъ полчаса въ комнату суда.

Мессуръ поблагодарилъ калифа и вышелъ, а Гарунъ сказалъ:

— Это твой отецъ, Саидъ. Къ счастью, я все знаю и буду судить теперь съ мудростью Соломона. Ты

же, Саидъ, спрячься за занавѣсъ позади моего трона, пока я не позову тебя. А ты, великій визирь, прикажи позвать легковѣрнаго начальника полиціи. Онъ понадобится мнѣ при допросѣ.

Все было сдѣлано, какъ приказалъ калифъ. Сердце Саида сильно забилось, когда онъ увидалъ своего отца, блѣднаго и худого, неровными шагами входившаго въ комнату суда; а хитрая улыбка Калумъ-Бека, съ которой онъ шепнулъ что-то двоюродному брату Мессуру, такъ разсердила его, что онъ готовъ былъ на него броситься. Сколько величайшихъ страданій и несчастій онъ перетерпѣлъ, благодаря этому злому человѣку.

Въ залу набралось много народу послушать судъ калифа. Вошелъ властитель Багдада и сѣлъ на свой тронъ. Великій визирь приказалъ всѣмъ замолчать и вызвалъ истца.

Съ дерзкимъ видомъ выступилъ впередъ Калумъ-Бекъ и сказалъ;

— Нѣсколько дней тому назадъ я стоялъ у дверей своей лавки на базарѣ; въ это время мимо лавки проходилъ глашатай съ кошелькомъ въ рукахъ, а рядомъ съ нимъ шелъ вотъ этотъ человѣкъ. Глашатай кричалъ: „Кошелекъ золота тому, кто сообщитъ свѣдѣнія о Саидѣ изъ Бальзоры!“ Этотъ самый Саидъ прежде служилъ у меня и потому я крикнулъ: „Сюда, дружище, я могу заслужить твой кошелекъ!“ Этотъ человѣкъ, который теперь со мной судится, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что я знаю. Я отвѣтилъ: „Не отецъ-ли вы Саида—Бене-

царъ?“ И когда онъ отвѣтилъ утвердительно, я разсказалъ ему, какъ нашелъ молодого человѣка въ пустынѣ, спасъ его и ухаживалъ за нимъ, и привезъ его въ Багдадъ. Съ радости онъ тотчасъ-же отдалъ мнѣ свой кошелекъ. Но послушайте, что за сумасшедшій этотъ человѣкъ! Когда я ему разсказалъ потомъ, что сынъ его, служа у меня, совершилъ дурной поступокъ, обокралъ меня и скрылся, онъ отказался этому повѣрить и вотъ уже нѣсколько дней пристаетъ ко мнѣ: требуетъ своего сына и свои деньги. А ни того ни другого я ему отдать не могу, потому что деньги принадлежатъ мнѣ за тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщилъ ему о сынѣ, а негодный мальчишка неизвѣстно куда пропалъ.

Теперь слово было за Венецаромъ. Онъ описалъ своего сына, его благородство и добродѣтели и сказалъ, что Саидъ никогда не могъ до такой степени испортиться, что сталъ бы воровать. Онъ умолялъ калифа строго разсудить это дѣло.

— Я надѣюсь,—сказалъ калифъ,—что ты, Калумъ-Бекъ, заявилъ о кражѣ такъ, какъ повелѣваетъ тебѣ долгъ?

— Конечно,—сказалъ тотъ, улыбаясь,—я передалъ его полиціи.

— Приведите сюда полицейскаго надзирателя,—приказалъ калифъ, и, ко всеобщему удивленію, тотъ явился тотчасъ, какъ по волшебству. Калифъ спросилъ его, помнитъ-ли онъ это дѣло, и тотъ призналъ, что такой случай былъ.

— Ты допрашивалъ молодого человѣка, признался-ли онъ въ кражѣ?—спросилъ калифъ.

— Нѣтъ, онъ упорствовалъ, и хотѣлъ непремѣнно видѣть тебя, сказалъ полицейскій надзиратель.

— Но мнѣ не помнится, чтобы я его видѣлъ,—сказалъ калифъ.

— Да зачѣмъ-же? тогда бы мнѣ каждый день пришлось посылать къ тебѣ цѣлыми толпами подобныхъ негодяевъ:—всѣ хотятъ говорить съ тобою.

— Ты знаешь, что мое ухо открыто для всѣхъ,—отвѣтилъ Гарунъ.—Но доказательства воровства, навѣрное, были такъ ясны, что приводить ко мнѣ этого молодого человѣка и не понадобилось. У тебя, Калумъ, были, конечно, свидѣтели въ томъ, что деньги, найденныя у молодого человѣка, несомнѣнно твои?

— Свидѣтели?—спросилъ тотъ, блѣднѣя,—нѣтъ, свидѣтелей у меня не было! Да, вѣдь, ты-же знаешь, властитель правовѣрныхъ, что золотые всѣ похожи другъ на друга. Кто-же сталъ-бы свидѣтельствовать, что эта сотня золотыхъ моя?

— А какъ-же ты узналъ, что эта сумма принадлежала именно тебѣ?—спросилъ калифъ.

— По кошельку, въ которомъ они были,—возразилъ Калумъ.

— Съ тобой-ли кошелекъ?—допрашивалъ Гарунъ дальше.

— Вотъ онъ,—сказалъ купецъ, вытащилъ кошелекъ и подалъ великому визирю для того, чтобы тотъ передалъ калифу.

Но визирь съ притворнымъ удивленіемъ воскликнулъ:

— Клянусь бородой пророка, развѣ это твой кошелекъ! Этотъ кошелекъ принадлежалъ мнѣ и я подарилъ его съ сотнею золотыхъ одному отважному юношѣ, который спасъ меня отъ большой опасности.

— Можешь-ли ты поклясться въ этомъ?—спросилъ калифъ.

— Съ такою-же охотою, съ какою я стремлюсь попасть въ рай,—отвѣтилъ визирь.—Его собственноручно связала моя дочь.

— Вотъ что!—воскликнулъ калифъ, обращаясь къ надзирателю полиціи,—такъ значитъ тебѣ дали ложныя показанія. Почему ты повѣрилъ, что кошелекъ принадлежитъ этому купцу.

— Онъ клялся,—отвѣтилъ рѣзко надзиратель.

— Такъ ты далъ ложную клятву?—громовымъ голосомъ закричалъ калифъ на купца. Тотъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Аллахъ, Аллахъ, — закричалъ онъ. — Я не хочу оспаривать словъ великаго визиря, онъ достоинъ всякаго довѣрія, но кошелекъ, всетаки, мой, и негодяй Саидъ укралъ его. Я далъ бы тысячу золотыхъ за то, чтобы онъ былъ теперь здѣсь.

— Что-же ты сдѣлалъ бы съ этимъ Саидомъ? — спросилъ калифъ.—Послать за нимъ, пусть явится на мой судъ!

— Я сослалъ его на необитаемый островъ, — отвѣтилъ полицейскій надзиратель.

— О, Саидъ! сынъ мой, сынъ мой!—воскликнулъ несчастный отецъ и заплакалъ.

— Значитъ, онъ сознался въ преступленіи? — спросилъ Гарунъ.

Полицейскій надзиратель поблѣднѣлъ. Онъ вытаращилъ глаза отъ ужаса, и, наконецъ, проговорилъ:

— Насколько мнѣ помнится—да!

— Такъ ты въ этомъ не вполнѣ увѣренъ? — продолжалъ калифъ грознымъ голосомъ.—Такъ мы спросимъ его самого. Выйди Саидъ! а ты, Калумъ-Бекъ, плати прежде всего тысячу золотыхъ; Саидъ—здѣсь!

Калумъ и полицейскій надзиратель подумали, что предъ ними явилось привидѣніе. Они упали ницъ и закричали: „Спасите, спасите!“ Бенецаръ, задыхаясь отъ радости, бросился въ объятія сына. А калифъ сурово и строго произнесъ:

— Судья, вотъ Саидъ, сознался ли онъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! — вопилъ полицейскій надзиратель, — я слушалъ только показанія Калумъ-Бека, потому что онъ богатый человѣкъ.

— Развѣ я тебя затѣмъ поставилъ судьею надъ всѣми, чтобы ты слушалъ только знатныхъ!—воскликнулъ Гарунъ-аль-Рашидъ въ благородномъ негодованіи. — Приговариваю тебя на десять лѣтъ къ ссылкѣ на необитаемый островъ; тамъ ты будешь размышлять о справедливости. А ты, презрѣнный человѣкъ! Ты спасаешь людей, чтобы дѣлать ихъ своими рабами! Ты заплатишь тысячу золотыхъ, какъ ты обѣщалъ сдѣлать, если явится свидѣтелемъ Саидъ.

Калумъ обрадовался, не ожидая отдѣлаться такъ дешево. Онъ хотѣлъ было ужъ благодарить добраго калифа. Но тотъ продолжалъ:

— За ложную клятву относительно ста золотыхъ ты получишь сто ударовъ по пяткамъ. А потомъ рѣшитъ Саидъ; пусть онъ выберетъ: онъ можетъ взять себѣ твою лавку, тебя сдѣлать слугою, или получить съ тебя по десять золотыхъ за каждый прослуженный у тебя день.

— Пусть уходитъ этотъ презрѣнный человѣкъ, о калифъ!—сказалъ юноша.—Ничего мнѣ не нужно изъ того, что принадлежитъ ему.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гарунъ,—я хочу, чтобы ты былъ вознагражденъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ выбралъ по десять золотыхъ за каждый день. Сосчитай, сколько времени ты былъ въ его когтяхъ. А теперь убрать этихъ негодяевъ!

Ихъ увели, а Бенецара съ Саидомъ калифъ провелъ въ другое помѣщеніе и тамъ разсказалъ отцу о томъ, какъ онъ былъ спасенъ Саидомъ.

Калифъ пригласилъ Бенецара жить у него въ Багдадѣ вмѣстѣ съ Саидомъ. Тотъ согласился, только рѣшилъ раньше съѣздить домой, чтобы захватить оттуда свои богатства. Саидъ-же поселился во дворцѣ, который нарочно для него построилъ калифъ. Братъ калифа и сынъ великаго визиря остались друзьями Саида, и въ Багдадѣ сложилась пословица: „Я хотѣлъ бы быть такимъ-же добрымъ и счастливымъ, какъ сынъ Бенецара—Саидъ.

фффффффффффффффффффффффффффффф

Калифъ Аистъ.

I.

Однажды послѣ обѣда калифъ Багдадскій Хазидъ сидѣлъ у себя на диванѣ. По случаю жаркаго дня онъ немножко соснулъ и теперь былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Онъ курилъ длинную изъ розоваго дерева трубку и, время отъ времени, отпивалъ изъ чашки понемногу кофе, который ему подавалъ рабъ. Кофе было вкусное, и калифъ самодовольно поглаживалъ бороду. По всему было видно, что онъ чувствовалъ себя отлично. Это было хорошее время для бесѣды съ нимъ, потому что въ такія минуты онъ всегда былъ мягокъ и общителенъ. Понятно, почему великій визирь Манзоръ посѣщалъ его ежедневно именно въ этотъ часъ. И на этотъ разъ онъ явился къ нему, только противъ обыкновенія былъ очень задумчивъ. Калифъ выпустилъ изо рта трубку и сказалъ:

— Отчего у тебя такое грустное выраженіе, великій визирь?

Великій визирь сложилъ крестообразно на груди свои руки, склонился передъ своимъ господиномъ и сказалъ:

— Господинъ, не могу сказать, чтобы мнѣ было грустно, но тамъ, внизу, около замка стоитъ разнощикъ... у него такія прекрасныя вещи... Мнѣ ужасно досадно, что у меня нѣтъ лишнихъ денегъ!..

Калифъ всегда весьма охотно доставлялъ удовольствіе великому визирю; онъ послалъ своего чернаго раба внизъ позвать разнощика.

Рабъ скоро вернулся съ разнощикомъ. Это былъ маленькій, толстенькій человѣкъ съ смуглымъ лицомъ, одѣтый въ лохмотья. Онъ притащилъ коробъ, въ которомъ лежали разнообразные товары: жемчугъ и кольца, пистолеты съ богатыми украшеніями, кубки и гребешки; калифъ съ визиремъ пересмотрѣли всѣ вещи. Наконецъ, калифъ купилъ себѣ и Манзору по пистолету, а для жены визиря гребень. Когда разнощикъ хотѣлъ уже снова закрыть свой коробъ, калифъ замѣтилъ какой-то маленькій ящичекъ и спросилъ, что за товаръ въ немъ спрятанъ. Разнощикъ вытащилъ ящикъ и показалъ имъ коробочку съ чернымъ порошкомъ, и тамъ же лежала странно написанная рукопись, которую ни калифъ, ни Манзоръ не сумѣли прочитать.

— Эти двѣ вещи я пріобрѣлъ у одного купца; онъ нашелъ ихъ по дорогѣ въ Мекку,—сказалъ разнощикъ;—что это такое, я не знаю. Вамъ бы я уступилъ ихъ за ничтожную цѣну, потому что самъ не знаю, что съ нимъ дѣлать.

Калифъ очень охотно пріобрѣталъ для своей библіотеки старинныя рукописи. Купилъ онъ и эту рукопись съ коробочкой и отпустилъ разнощика. Но калифу очень хотѣлось узнать содержаніе рукописи. Онъ спросилъ визиря, не знаетъ-ли тотъ кого-нибудь, кто-бы могъ ее разобрать.

— Милостивый господинъ и повелитель,—отвѣтилъ визирь:—у большой мечети живетъ одинъ человѣкъ, его зовутъ Селимъ Ученый, онъ знаетъ всѣ языки. Призови его, быть можетъ, онъ прочитаетъ и эти таинственныя каракули.

Скоро привели Селима Ученаго.—Селимъ,—обратился къ нему калифъ,—Селимъ, говорятъ, ты очень ученъ, посмотри-ка эту рукопись—можешь ли ты ее прочесть? Если прочтешь, получишь отъ меня новое платье, а нѣтъ, то получишь двѣнадцать пощечинъ и двадцать пять ударовъ по пяткамъ за то, что напрасно прозываешься ученымъ.

Селимъ поклонился и отвѣтилъ: — Да будетъ воля твоя, господинъ.—Долго разсматривалъ онъ рукопись, потомъ сказалъ:—Да это по латыни, господинъ!

— Что тамъ написано,—спросилъ калифъ:—если это по латыни?

Селимъ началъ переводить: „Человѣкъ, нашедшій эту рукопись, пусть возблагодаритъ Аллаха за его милость! Кто понюхаетъ порошка изъ этой коробочки и скажетъ „Мутаборъ“, тотъ можетъ обратиться во всякое животное и птицу и будетъ понимать языкъ всѣхъ живыхъ существъ. Если-же

онъ пожелаетъ опять принять человѣческій видъ, то долженъ поклониться три раза на востокъ и выговорить то-же самое слово. Но помни: во время превращенія нельзя смѣяться, иначе волшебное слово совершенно исчезнетъ изъ твоей памяти, и ты останешься животнымъ навсегда".

Калифъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что прочелъ Селимъ. Онъ заставилъ ученаго поклясться, что тотъ никому ничего не скажетъ про эту тайну, подарилъ ему прекрасное платье и отпустилъ. А великому визирю онъ сказалъ:—Вотъ это я называю славной покупкой, Манзоръ!.. Какъ я радъ, что могу обратиться въ звѣря! Приходи ко мнѣ завтра пораньше. Мы вмѣстѣ выйдемъ въ поле, понюхаемъ немножко порошка изъ этой коробочки и услышимъ тогда, что будетъ говориться и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ лѣсу, и въ полѣ.

II.

На слѣдующій день, едва калифъ Хазидъ успѣлъ позавтракать и одѣться, великій визирь, послушный его приказанію, уже явился сопровождать его на прогулку. Калифъ сунулъ въ карманъ коробочку съ порошкомъ и, приказавъ своей свитѣ остаться дома, отправился въ путь вдвоемъ съ великимъ визиремъ.

Сперва они ходили по обширнымъ садамъ калифа. Но они тщетно искали тамъ звѣрей или птицъ, чтобы испытать свое волшебное средство.

Наконецъ, визирь предложилъ пойти дальше, къ пруду. Тамъ ему случалось видѣть множество аистовъ, и ихъ важный видъ и пощелкиванье всегда привлекали вниманіе.

Калифъ одобрилъ предложеніе визиря и пошелъ съ нимъ къ пруду. Дойдя туда, они увидѣли аиста, который серьезно расхаживалъ взадъ и впередъ, ловилъ лягушекъ и время отъ времени пощелкивалъ клювомъ. Въ то-же время высоко въ воздухѣ они замѣтили другого аиста, летѣвшаго въ ихъ сторону.

— Клянусь бородой, милостивѣйшій господинъ,— сказалъ великій визирь,—эти два длинноногіе поведутъ сейчасъ премилый разговоръ другъ съ другомъ. Вотъ, если бы намъ превратиться въ аистовъ!

— Превосходно!—отвѣтилъ калифъ.—Но давай еще разъ припомнимъ, что нужно сдѣлать для того, чтобы опять сдѣлаться людьми... Поклониться три раза на востокъ, сказать: „Мутаборъ", и я буду снова калифомъ, а ты—визиремъ. Но, ради Бога, не смѣйся, иначе мы пропадемъ!

Пока калифъ говорилъ, второй аистъ медленно спускался на землю. Калифъ поспѣшно вытащилъ коробочку изъ-за пояса, взялъ изъ нея щепотку порошка, подозвалъ визиря, и они оба понюхали и оба разомъ воскликнули: „Мутаборъ"!

Ноги ихъ сморщились, сдѣлались тонкія и покраснѣли; прекрасныя желтыя туфли калифа и его визиря превратились въ безформенныя лапы аиста, руки—въ крылья, шея вытянулась почти на аршинъ

бороды исчезли, а тѣла покрылись мягкими перьями.

— У васъ прекрасный клювъ, господинъ великій визирь, — сказалъ калифъ послѣ первой минуты удивленія.—Клянусь бородой пророка, ничего подобнаго въ жизни своей я не видывалъ.

— Покорнѣйше благодарю,—съ поклономъ возразилъ визирь.—Но, съ вашего позволенія, я бы сказалъ, что ваше величество аистомъ выглядите гораздо лучше, чѣмъ калифомъ. Однако, пойдемте, если вамъ угодно, послушаемъ нашихъ товарищей и провѣримъ, понимаемъ-ли мы, дѣйствительно, ихъ языкъ.

Тѣмъ временемъ второй аистъ спустился на землю. Онъ почистилъ клювомъ свои лапы, расправилъ перья и подошелъ къ первому аисту. Два новыхъ аиста поспѣшили подойти къ нимъ поближе и, къ великому удовольствію своему, услыхали слѣдующій разговоръ:

— Добраго утра, госпожа Длинноножка! Такъ рано еще, а вы уже на лугу.

— Благодарю васъ, любезная Щелкунья, я припасла себѣ завтракъ. Не хотите ли кусочекъ ящерицы или ножку лягушки?

— Покорно благодарю, у меня сегодня совершенно нѣтъ аппетита. Да и на лугъ-то я пришла совсѣмъ съ другими цѣлями. Сегодня у моего отца будутъ гости и мнѣ придется танцовать, такъ я хочу немножко поупражняться.

Тутъ юная дочь аиста прошлась по лугу, продѣлывая самыя смѣшныя движенія. Калифъ и Мансоръ съ изумленіемъ наблюдали за ней. Когда-же она встала на одну ногу, подняла другую и начала граціозно помахивать крыльями, оба они не могли больше удержаться, и изъ ихъ клювовъ вырвался неудержимый смѣхъ. Калифъ первый пришелъ въ себя.

— Вотъ такъ потѣха!—закричалъ онъ,—этого и за деньги не купить. Жаль, что глупыя птицы испугались нашего смѣха, онѣ бы, пожалуй, еще запѣли.

Но тутъ великій визирь вспомнилъ, что во время превращенія смѣяться запрещено. Онъ сообщилъ свое безпокойство по этому поводу калифу.

— Ахъ, Мекка и Медина! Дѣло плохо, если мнѣ навсегда придется остаться аистомъ. Припомни-ка это глупое слово, я совершенно не могу его вспомнить!

— Нужно поклониться три раза на востокъ, а потомъ сказать му... му... му...

Они повернулись къ востоку и вмѣстѣ начали кланяться такъ усердно, что стукались клювомъ о землю. Но, о ужасъ! волшебное слово изъ ихъ памяти исчезло. И какъ калифъ ни кланялся, какъ страстно ни восклицалъ визирь му... му... му—ничего они не могли припомнить. Такъ бѣдный Хазидъ со своимъ визиремъ и остались аистами.

III.

Печально бродили заколдованные визирь и ка-

лифъ по полямъ. Они не знали, что имъ предпринять и не могли придумать, какъ помочь бѣдѣ. Избавиться отъ шкуры аиста они не могли, пойти въ городъ, чтобы все разсказать о себѣ, тоже не могли,— кто повѣритъ аисту, что онъ калифъ? А если бы даже и повѣрили, развѣ жители Багдада согласятся имѣть калифомъ аиста!

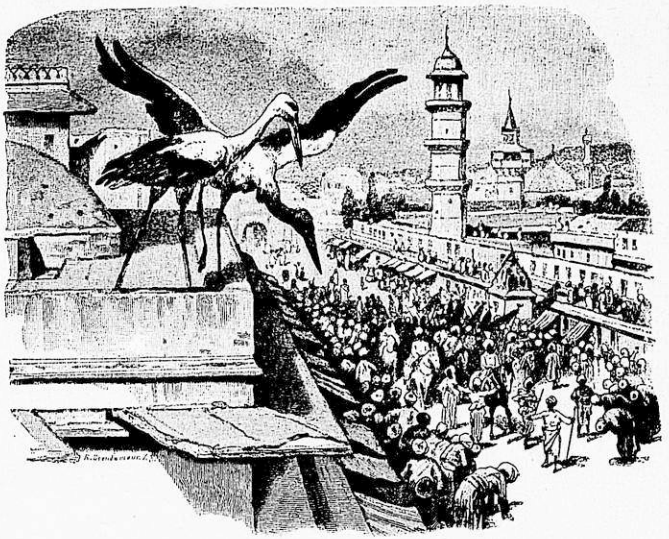
Такъ скитались они много дней, питаясь кое-какими зернами, которыя имъ чрезвычайно трудно было разжевывать длинными клювами. Ящерицъ-же и лягушекъ они совершенно не могли ѣсть, они боялись разстроить себѣ желудокъ такимъ непривычнымъ блюдомъ. Единственной отрадой въ этомъ печальномъ ихъ положеніи было то, что они могли летать. И они часто взлетали на крыши Багдада и оттуда смотрѣли, что творится въ городѣ.

Въ первый день они наблюдали среди жителей большое волненіе и горе. Но не далѣе, какъ на четвертый день послѣ превращенія, сидя на крышѣ дворца калифа они замѣтили приближавшуюся пышную процессію. Гремѣли барабаны и трубы; окруженный блестящею свитою, въ красной, шитой золотомъ одеждѣ на разукрашенномъ конѣ ѣхалъ какой-то человѣкъ. Половина Багдада бѣжала за нимъ, и всѣ кричали: „Да здравствуетъ Мизра, властитель Багдада!“

Сидѣвшіе на крышѣ дворца аисты переглянулись, и калифъ Хазидъ сказалъ:

— Понимаешь-ли ты теперь, великій визирь, почему я попалъ подъ дѣйствіе волшебныхъ чаръ?

Этотъ самый Мизра,—сынъ моего смертельнаго врага, могущественнаго волшебника Кашнура, который по-



.. Всѣ кричали: „Да здравствуетъ Мизра, повелитель Багдада!..“

клялся мнѣ отомстить. Но я не теряю еще надежды на избавленье. Идемъ со мной, вѣрный спутникъ моего несчастья, отправимся къ могилѣ пророка! Можетъ быть, на святомъ мѣстѣ снимется съ насъ колдовство.

Они поднялись съ крыши дворца и полетѣли къ предѣламъ Медины.

Но летѣть имъ было не легко, потому что оба аиста не привыкли еще къ этому упражненію.

— О, господинъ,—простоналъ великій визирь послѣ нѣсколькихъ часовъ полета;—съ вашего позволенія, я больше не могу. Вы слишкомъ быстро летите. Да къ тому-же теперь уже вечеръ, и намъ нужно поискать на ночь пристанища.

Хазидъ внялъ просьбѣ своего слуги. Замѣтивъ внизу, въ долинѣ какія-то развалины, пригодныя, повидимому, для убѣжища, они полетѣли туда. Мѣсто, куда они пристали на эту ночь, походило на старинный замокъ. Изъ-подъ развалинъ возвышались прекрасныя колонны; множество не вполнѣ разрушившихся комнатъ свидѣтельствовало о прежней роскоши дома. Хазидъ и его спутникъ вошли внутрь и стали отыскивать себѣ удобное мѣстечко. Вдругъ аистъ Манзоръ остановился.

— Господинъ и повелитель,—прошепталъ онъ тихо,—великому визирю, а тѣмъ болѣе аисту, смѣшно бояться привидѣній! Но мнѣ ужасно страшно—здѣсь недалеко отъ насъ кто-то вздохнулъ и простоналъ?!

Калифъ тоже остановился и совершенно отчетливо услыхалъ тихій плачъ, который, казалось, скорѣе принадлежалъ человѣку, чѣмъ животному. Онъ устремился къ тому мѣсту, откуда неслись жалобные стоны. Но визирь схватилъ его клювомъ за крыло и убѣдительно просилъ не подвергать себя новымъ неизвѣстнымъ опасностямъ. Напрасно! Калифъ, у котораго подъ крыломъ аиста билось храброе сердце, рванулся, потерявъ нѣсколько перьевъ, и исчезъ въ мрачномъ коридорѣ.

Онъ очутился у двери, которая была только слегка притворена. Изъ-за нея донеслись до него громкіе вздохи и тихія рыданья. Онъ толкнулъ клювомъ дверь и, изумленный, остановился на порогѣ. Въ полуразвалившейся комнатѣ, слабо освѣщенной маленькимъ окошечкомъ съ рѣшеткой, на полу сидѣла огромная сова. Изъ большихъ круглыхъ глазъ ея текли крупныя слезы, а изъ кривого клюва вырывались тяжелые стоны. Но увидавъ калифа и визиря, робко шедшаго позади, она громко, радостно крикнула. Граціозно отерѣвъ слезы на глазахъ она, къ великому удивленію обоихъ, заговорила на арабскомъ языкѣ самымъ настоящимъ человѣческимъ голосомъ:

— Добро пожаловать, аисты! Вы являетесь предвѣстниками моего спасенія! Мнѣ однажды предсказано было, что аистъ принесетъ мнѣ великое счастье.

Оправившись отъ удивленія калифъ кивнулъ своей длинной шеей, придалъ изящную позу своимъ тонкимъ ногамъ и сказалъ:

— Сова! судя по твоимъ словамъ, я встрѣчаю въ тебѣ товарища по несчастью. Но, увы! надежда получить чрезъ насъ спасеніе напрасна. Ты сама увидишь, какъ мы безпомощны, если выслушаешь нашу исторію.

Сова попросила его разсказать ей, въ чемъ дѣло,

и калифъ сейчасъ-же разсказалъ ей все, что мы уже знаемъ.

IV.

По окончаніи разсказа калифа, сова поблагодарила его и сказала:

— Выслушай теперь мою исторію и узнай, что я не менѣе тебя несчастна. Отецъ мой—индійскій царь. Меня, его единственную, несчастную дочь, зовутъ Луза. Причина моей погибели—тотъ-же самый волшебникъ Кашнуръ, который заколдовалъ и васъ. Однажды онъ явился къ моему отцу и сталъ просить моей руки для своего сына Мизры. Но отецъ мой очень вспыльчивый человѣкъ. Онъ приказалъ сбросить волшебника съ лѣстницы. Злодѣй сумѣлъ прокрасться ко мнѣ, принявъ другой образъ. Однажды, когда я гуляла въ саду, мнѣ захотѣлось выпить чего-нибудь холоднаго, и онъ, переодѣтый рабомъ, принесъ мнѣ какое-то питье, отъ котораго я и приняла этотъ безобразный видъ. Въ ужасѣ я лишилась чувствъ, и онъ перенесъ меня сюда и страшнымъ голосомъ прокричалъ надъ самымъ ухомъ: „Отвратительной, презираемой даже животными птицей должна ты оставаться до конца своей жизни, если только кто-нибудь, по собственному желанію, не захочетъ жениться на тебѣ, несмотря на твою ужасную внѣшность. Это моя месть тебѣ и твоему надменному отцу!“

Сова замолчала и вытерла крыломъ глаза, такъ

какъ разсказъ о перенесенныхъ ею страданіяхъ снова вызвалъ у нея слезы.

Выслушавъ разсказъ принцессы, калифъ глубоко задумался.

Я боюсь ошибиться,—сказалъ онъ:—но, мнѣ кажется, что въ нашемъ несчастьи есть какая-то таинственная связь. Но гдѣ найти ключъ къ этой загадкѣ?

Сова отвѣчала:—Господинъ, я того же мнѣнія. Однажды еще въ ранней юности мнѣ предсказала одна мудрая женщина, что аистъ принесетъ мнѣ великое счастье, и, можетъ быть, я даже знаю, какъ намъ спастись.

Изумленный калифъ спросилъ, что она предполагаетъ сдѣлать.

— Волшебникъ, причинившій намъ обоимъ несчастье,—сказала она:—каждый мѣсяцъ приходитъ въ эти развалины. Недалеко отъ этой комнаты есть залъ. Тамъ они обыкновенно пируютъ со своими товарищами. Я часто подслушивала ихъ. Они разсказываютъ другъ другу свои низкіе поступки,—и весьма возможно, что онъ произнесетъ то волшебное слово, которое вы забыли.

— Дорогая принцесса,—вскричалъ калифъ:—скажи-же, когда онъ придетъ, и гдѣ этотъ залъ?

Сова съ минуту помолчала, а потомъ сказала:

— Не разсердитесь, но я могу исполнить ваше желаніе только съ однимъ условіемъ.

— Говори-же, говори,—воскликнулъ Хазидъ:—Приказывай, я повинуюсь!

— Мнѣ тоже хотѣлось-бы освободиться отъ волшебныхъ чаръ, но это можетъ произойти только тогда, когда одинъ изъ васъ предложитъ мнѣ свою руку.

Аисты, казалось, были смущены такимъ условіемъ. Калифъ сдѣлалъ знакъ визирю и вышелъ съ нимъ за дверь.

— Визирь,— сказалъ калифъ;—вѣдь дѣло-то плохо! Но ты-бы могъ жениться на ней.

— Я?—отвѣтилъ тотъ:—Чтобы по возвращеніи домой жена выцарапала мнѣ глаза? Да къ тому-же я старикъ, а вы еще молоды и не женаты,—предложите вы руку молодой прекрасной принцессѣ.

— Это такъ,—вздохнулъ калифъ, печально опустивъ крылья.—Но кто сказалъ тебѣ, что она молода и прекрасна? Это называется, купить за глаза!

Долго еще они препирались, пока, наконецъ, калифъ не убѣдился, что визирь охотнѣй останется аистомъ, чѣмъ женится на совѣ. Калифъ рѣшился пожертвовать собою. Сова пришла въ восторгъ. Она сказала имъ, что они подоспѣли какъ разъ во время, потому что волшебники, навѣрное, соберутся сегодня.

Она вышла съ аистами изъ комнаты, и повела ихъ къ залу. Долго они шли по мрачному коридору, наконецъ, изъ-за полуразрушенной стѣны показался яркій свѣтъ. Когда они подошли, сова подала имъ совѣтъ, держаться какъ можно осторожнѣй. Черезъ отверстіе, у котораго они стояли, имъ виденъ былъ огромный залъ. Кругомъ онъ былъ украшенъ колоннами и по стѣнамъ великолѣпно расписанъ. Въ

немъ горѣло множество разноцвѣтныхъ лампъ, и свѣтло было, точно днемъ. Посрединѣ стоялъ круглый столъ, уставленный роскошными блюдами. Вокругъ стола стояли мягкія скамейки, на которыхъ сидѣло восемь человѣкъ. Въ одномъ изъ нихъ аисты узнали разнощика, который продалъ имъ волшебный порошокъ. По просьбѣ своего сосѣда онъ началъ разсказывать остальнымъ свои послѣднія продѣлки. Между прочимъ, разсказалъ имъ и исторію калифа и его визиря.

— Какое-же слово ты задалъ имъ?—спросилъ одинъ изъ волшебниковъ.

— Очень трудное латинское слово: „Мутаборъ“.

V.

Услыхавъ слово черезъ отверстіе въ стѣнѣ, наши аисты пришли въ восторгъ. Они такъ быстро устремились на своихъ длинныхъ крыльяхъ къ выходу изъ развалинъ, что сова едва поспѣвала за ними. Выйдя изъ развалинъ, растроганный калифъ сказалъ совѣ:

— Спасительница наша, возьми меня себѣ въ мужья въ знакъ вѣчной благодарности за все то, что ты для насъ сдѣлала.

Потомъ онъ повернулся къ востоку. Три раза наклонили свои длинныя шеи наши аисты навстрѣчу выходившему изъ-за горы солнцу. „Мутаборъ“—закричали они разомъ и въ мигъ превратились въ людей. И, радуясь своему избавленію, господинъ и

... „Мутаборъ!“ закричали они разомъ...

слуга со смѣхомъ и слезами заключили другъ друга въ объятія. Но кто опишетъ ихъ удивленіе, когда они оглянулись? Предъ ними стояла прелестная дѣвушка, въ чудномъ нарядѣ. Она взяла съ улыбкой руку калифа.

— Неужели вы не узнаете вашей совы?—сказала она. Калифъ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ ея красоты и граціи, и воскликнулъ, что считаетъ величайшимъ счастьемъ свое превращеніе въ аиста.

Они отправились всѣ вмѣстѣ въ Багдадъ. Калифъ въ своей одеждѣ нашелъ не только коробочку съ волшебнымъ порошкомъ, но и свой кошелекъ съ деньгами. Тутъ-же, въ ближайшемъ мѣстечкѣ онъ купилъ все необходимое для путешествія, и скоро они добрались до воротъ Багдада. Но прибытіе калифа привело тамъ всѣхъ въ величайшее изумленіе. Его уже считали мертвымъ. Народъ возликовалъ, увидавъ снова своего любимаго господина.

Узнавъ о похожденіяхъ калифа, народъ озлобился на обманщика Мизру. Толпа бросилась во дворецъ и схватила стараго волшебника и его сына. Старика калифъ отправилъ въ ту самую комнату развалинъ, гдѣ жила принцесса совою, и приказалъ его тамъ держать въ заключеніи. Сыну-же, который совершенно не зналъ искусства своего отца, калифъ предложилъ понюхать порошка. Изрядная щепотка и волшебное слово, сказанное калифомъ, превратили его въ аиста; калифъ приказалъ посадить его въ клѣтку и выставить въ своемъ саду.

Долго и счастливо жилъ калифъ Хазидъ со своею женою принцессою. Каждый день послѣ обѣда ихъ посѣщалъ великій визирь. Бесѣда съ нимъ доставляла калифу самое большое удовольствіе. Они часто вспоминали свои приключенія. Когда калифъ бывалъ въ особенно веселомъ настроеніи, онъ представлялъ великаго визиря въ видѣ аиста, неуклюже расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, щелкалъ, взмахивалъ руками, точно крыльями, а потомъ оборачивался къ востоку, усиленно кланялся и восклицалъ: „му... му... му...“ Женѣ калифа и ихъ дѣткамъ представленія эти чрезвычайно нравились.

Но когда калифъ слишкомъ ужъ усердно щелкалъ и кланялся и слишкомъ долго восклицалъ: „му му му“, визирь, въ свою очередь, начиналъ подсмѣиваться надъ нимъ. Онъ грозилъ тогда разсказать супругѣ калифа о томъ, что было говорено когда-то у дверей комнаты принцессы совы, и калифъ тогда тотчасъ же прекращалъ свои представленія.

37876

ИЗДАНІЯ
Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ.

„БИБЛІОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“

Въ гору. Исторія одной глухонѣмой дѣвочки. *М. Пеньковой.* Съ 26 рис. *Ж. Рейнъ.* Изд. 3-е. Ц. 50 к.
Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен. библ. низш. училищъ и въ безпл. нар. библ. и читальни. *Рекомендована* для чтенія воспит. кад. корп.

Снѣжинки. Разсказы для дѣтей. *В. Мировичъ.* Съ рис. 2-е изд. Ц. 30 к.

Разсказы. *А. Додэ.* Книжка первая. Ц. 10 к.

Разсказы. *А. Додэ.* Книжка вторая. Ц. 6 к.

Военные разсказы. *А. Додэ.* Ц. 8 к.

Моя мать Жанъ. *А. Додэ.* Ц. 10 к.

На крайнемъ сѣверѣ (Жизнь эскимосовъ). *Фр. Нансена.* Сокращ. пер. *О. Н. Поповой.* Съ 17 рис. Ц. 30 к.
Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен., ср. и мл. возр., библ. ср. уч. зав., въ учен. библ. гор. учил. и въ безпл. нар. читальни и библіотеки.

На краю свѣта (Годъ въ Новой Зеландіи). *Г. де-Сегюра.* Пер. съ франц. *Н. Волконской.* Подъ ред. и со вступ. статьей *Д. А. Коропчевскаго* „Новая Зеландія и маорисы до прибытія европейцевъ“. Съ 27-ю рис. и картою. Ц. 60 к.
Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен., ст. и ср. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. библ. и читальни.

Огненная Земля. По О. Норденшильду. Составилъ *Ш. Рабо.* Перев. съ франц. *Н. Н. Южаковой* Под. ред. и со вступ. статьей *Д. А. Коропчевскаго.* „Человѣкъ на крайнемъ югѣ“. Съ 16-ю рис. и картою. Ц. 40 к.
Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен. библ. низш. училищъ.

Отъ рабства къ славѣ. Автобіографія *Букера Т. Вашингтона.* Пер. *З. Журавской.* Ц. 45 к.

Срединное царство. Очеркъ исторіи и жизни Китая. Составила *Д. И. Котляръ.* Съ 21 рис. Ц. 80 к.

Книжный магазинъ Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ

— **С.-Потербургъ, Гороховая, 51** —

исполняетъ заказы на всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.

КАТАЛОГИ высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО.**